
Елена Эйхен
Незримая связь
Исцеление для
Дракона

Елена Эйхен

Незримая связь. Исцеление для дракона

https://litres.ru/74801548
SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь покатилась под откос. Но когда пришло известие о наследстве, я ухватилась за последнюю надежду и отправилась в заброшенный замок, чтобы узнать, что же оставил мне дядя.

Вот только вместо долгожданных ответов меня встретил ослепший, покрытый шрамами мрачный дракон, который вовсе не ждал незваную гостью.

Он велел мне убираться прочь. Но я не отступила. Мне попросту больше некуда было идти.

В его замке царила вечная ночь, а сам он был раненым зверем, давно забывшим вкус солнечного дня.

И, возможно, именно мне предстоит вернуть ему свет. Даже если ради этого придётся сорвать маску с собственного лица.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	67
Глава 13	75
Глава 14	83
Глава 15	91
Глава 16	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Елена Эйхен
Незримая связь. Исцеление для дракона

Глава 1

Если бы я знала, что драконы существуют, я бы никогда не переступила порог замка Чёрного Крыла. И уж точно не позволила бы огню в своей крови отозваться на самого тёмного из них. Жаль, что никто меня не предупредил.

Но в тот день я думала вовсе не о драконах. Я думала о том, что у меня осталось тридцать монет, дорожная сумка и ни одного места, куда можно вернуться.

Мамы я не помнила – она умерла, когда я родилась.

Папа заменил мне весь мир, но в прошлом году не стало и его. Следом всплыли долги. Ушло всё: дом, счета, мебель. А с ними испарился и жених – как выяснилось, он ухаживал не за мной, а за папиным состоянием. Ни письма. Ни объяснения. Просто исчез.

Впрочем, хватит об этом.

Мне двадцать лет, я одна, и у меня в кармане медяки да половинки. Не до сантиментов.

И всё-таки один сюрприз для меня нашёлся.

Письмо принёс беркут. Белая бумага, золотые чернила – едва тёплые под пальцами, словно кто-то только что держал это письмо у свечи.

Дорогая леди Блэквуд,

Сообщаю вам, что ваш дядюшка, достопочтенный лорд Олдергейт, скончался. В своём завещании он оставил вам наследство. Прошу вас прибыть в Воронью Балку десятого мая, дабы уладить все необходимые формальности.

С уважением, Эван Пратт, адвокат. Лорд Гудвэй.

Наследство. Может, целых сто монет. А может, и двадцать – но даже они стали бы чудом.

Когда замок Чёрного Крыла вырос из тумана, я сглотнула.

Издалека он казался величественным – громада башен и зубчатых стен на фоне набухшего неба. Но чем ближе мы подъезжали, тем яснее становилось – сад одичал: деревья стояли голые и кривые, ограда покосилась, а от ворот осталось одно ржавое кружево.

К тому времени, как замок навис надо мной целиком, я уже съёжилась в его тени.

— Вот мы и приехали, леди.

Извозчик помог мне сойти.

Он поднял воротник, стащил с козел мой единственный саквояж – потрёпанный, с облезлой ручкой – и отнёс к ступеням башни. Вернулся, сунул руки в карманы и выжидательно кашлянул.

Я расплатилась. Монета скользнула в его широкую ладонь

и тут же исчезла в кармане. Извозчик тронул поводья, но вдруг натянул их снова – лошадь недовольно мотнула головой.

— Если желаете, леди, я доложу о вашем прибытии градоначальнику. Там, внизу.

Я подняла на него глаза.

— Зачем?

— Чтобы вас стали искать, — он помолчал, — если исчезнете.

Я невольно усмехнулась.

— Здесь что, водятся драконы?

— Может… и так.

Я ухмыльнулась. Вот ещё придумал.

— Да ладно вам, не стоит, — сказала я, но почему-то уже не так уверенно. — Спасибо.

— Как знаете.

Он стегнул лошадь и уехал, не оборачиваясь.

Я перекинула дорожную сумку через плечо и направилась к входу, где поджидал саквояж.

Каменный мост вёл через ров, подёрнутый ряской. Из щелей между плитами пробивалась трава.

Замок Чёрного Крыла не выглядел обитаемым. Во многих окнах не было стёкол – только чернота, густая и неподвижная, словно замок втянул в себя весь свет и не собирался отдавать. Над входной аркой сохранились пазы для опускной решётки, но самой решётки не было. Ни дверей, ни ворот

– лишь тёмный зев прохода, из которого тянуло сыростью и камнем.

Я прошла под аркой во внутренний двор.

— Лорд Гудвэй?

Голос мой растворился, словно двор проглотил его. Я попыталась громче:

— Лорд Гудвэй, вы здесь?

Эхо отскочило от стен, прокатилось по плитам и затихло где-то в глубине галереи. Больше – ничего.

Голод и усталость накрыли разом. Я закрыла глаза. Заставила себя вдохнуть.

Внезапно начался дождь. Крупные капли ударили по камню, двор потемнел, и запахло мокрой пылью – тем особенным запахом, когда вода падает на то, что давно от неё отвыкло.

Шорох за спиной. Я обернулась – ворон сорвался со стены, мелькнул серым силуэтом на фоне туч и исчез за зубцами.

И тут я увидела мужчину на другом конце двора.

Он стоял в арке напротив – неподвижно, как часть стены. У его ноги сидела чёрная пантера.

Я моргнула. Пантера никуда не делась.

Мужчина сменил позу, и косой луч света выхватил нижнюю половину его лица – тяжёлую челюсть, щетину, рот, в котором не было ни тени улыбки. Верхнюю часть лица по-прежнему скрывала тень.

Сердце забилось быстрее.

— Здравствуйте! Вы лорд Гудвэй?

— Нет.

Ни здрасте, ни до свидания. Просто «нет».

Пантера зарычала.

Я стиснула ручку сумки.

— Лорд Гудвэй здесь?

— Нет.

— Вы смотритель?

— Нет.

— Я получила письмо. От лорда Гудвэя. Он просил встретиться здесь сегодня – по делу, связанному с наследством моего покойного дяди.

Я протянула письмо – пальцы дрожали, и я ничего не могла с этим поделать.

— Вот. Посмотрите?

Один уголок его рта медленно изогнулся.

— Нет.

Я убрала письмо обратно в карман.

Он прислонился плечом к арке.

— У вас ещё вопросы?

Голос его был таким низким, что казалось, он ползёт по каменным плитам – ко мне, вверх, дрожью сквозь подошвы.

— О чём вы? — Я прижала руки к груди.

— Зачем вы здесь? Скажите прямо.

— Я же сказала… — начала я и осеклась. — Вы всегда

такой?

— Да.

Ну просто никаких сил! А он ещё издевается.

Усталость и голод делали своё дело – разум плыл, и я уже не была уверена, что этот разговор действительно происходит.

Дождь усилился. Капли звенели по каменным плитам – тяжело, размеренно, и каждая словно выбивала остатки сил из моего тела.

Стены замка начали медленно кружиться. По краям зрения потемнело.

— Я… Простите, я…

Руки безвольно опустились. Пантера зарычала – коротко, зло, оскалив клыки.

Мужчина шагнул из тени.

И я провалилась во тьму.

Глава 2

Но не до конца.

Мир сузился до обрывочных ощущений.

Холодный дождь, который секунду назад безжалостно сёк лицо, вдруг исчез. Вместо него пришло тепло. Сначала в мою безвольно опущенную ладонь ткнулся влажный шершавый нос. Горячее дыхание хищника мазнуло по запястью, согревая озябшую кожу. Потом меня оторвали от мокрого камня – с такой пугающей лёгкостью, будто во мне не было веса.

Сильные пальцы коснулись ледяной щеки, и по коже пробежал разряд – крошечные искры жара, расползающиеся от места прикосновения.

Инстинктивно, спасаясь от холода, я потянулась к этому теплу. Прижалась щекой к грубой ткани, ища защиты в руках того, кто казался опаснее самой бури. От него исходил жар – не просто человеческое тепло. Казалось, под кожей тлел уголь. Где-то в центре груди затеплился ответный огонёк – странное, незнакомое чувство, откликнувшееся на чужой жар.

Мужчина резко напрягся. Мышцы под моей щекой окаменели. Он шумно втянул воздух – как хищник, почуявший угрозу. Руки на моей талии сжались крепче. Ритм его широких шагов убаюкивал, и я провалилась в тяжёлое забытьё.

Сознание возвращалось медленно. Сначала – запахи: ста-

рое дерево, вековая пыль, въевшаяся в камень сырость и тонкий, едва уловимый след табака.

Открыла глаза. Высокий сводчатый потолок терялся в густых тенях.

Я лежала на широком кожаном диване посреди огромного пустого зала. Вокруг возвышались массивные каменные колонны, похожие на стволы окаменевших исполинских деревьев. В дальнем конце темнел камин колоссальных размеров – заброшенный, давно остывший. Всё здесь давило масштабом и полным отсутствием уюта.

Я попыталась пошевелиться. Тело отозвалось слабостью и лёгким ознобом.

Тяжёлый шерстяной плед с запахом сухих трав укрывал меня до подбородка. Я опустила руку под жёсткую ткань – и похолодела: платья не было. Ни корсета, стягивающего рёбра, ни нижних юбок. Только тонкая батистовая сорочка и влажные чулки.

Жар бросился в лицо. Память тут же услужливо подкинула картинку: разрушенный двор, проливной дождь, падение к ногам мрачного незнакомца. Теперь я лежала в логове этого человека, полностью в его власти, лишённая даже привычной защиты в виде одежды. Воспитание благопристойной леди требовало немедленно закричать или упасть в новый обморок, но суровая реальность последних месяцев научила меня другому. Я оказалась в уязвимом, унизительном положении – и мне следовало сохранять рассудок.

— Ваше платье и бельё сушатся у камина в соседней комнате.

Холодный, лишённый всяких эмоций голос раздался из темноты.

Я вздрогнула и резко повернула голову. Мужчина стоял в нескольких шагах от дивана, спиной ко мне. Его мощная фигура чётко вырисовывалась на фоне тусклого серого света, едва проникавшего сквозь высокие узкие окна без стёкол.

— Кто меня раздел? — спросила я.

— Вы лежали без сознания под проливным дождем в ледяной луже, — ответил он, даже не подумав обернуться. — Было бы преступно оставить вас в мокрой одежде.

Слово за словом. Сухо, отстраненно.

— Я могла бы сделать это сама. — Я порывисто села на диване, натянув плед до самых ушей, старательно кутаясь в колючую шерсть, чтобы скрыть дрожь.

— Вы могли бы умереть от переохлаждения, — парировал он с раздражающим высокомерным спокойствием.

Мужчина по-прежнему стоял ко мне спиной, глядя в пустой темный дверной проем. Однако казалось, точно знал, что я села. Он безошибочно уловил мое движение, шорох ткани, перемену позы. Он чувствовал меня в этом пространстве так ясно, словно обладал дополнительным, звериным чутьем, компенсирующим любые визуальные преграды.

Кстати, о зверях. Я ещё раз пробежалась глазами по залу и, к счастью, не увидела чёрную пантеру.

— На столике рядом с вами поднос. Чай с молоком и немного хлеба. Ешьте. Вам необходимо восстановить силы, если планируете продолжать спорить.

Я посмотрела вправо. На низком дубовом столике действительно стоял грубый деревянный поднос, а на нём – тяжёлая глиняная кружка, от которой поднимался густой пар, и неровно отрезанная горбушка серого хлеба. Желудок предательски громко заурчал, напомнив о долгих днях пути на жалких объедках.

Я потянулась к кружке и задела край подноса. Острая щепка впилась в палец. Я едва заметно поморщилась.

Он шумно втянул воздух.

— Вы ранены? — спросил слишком резко.

Пауза.

— Что? Нет… — Я спрятала руку под плед, не понимая, откуда он мог это знать.

Он не стал переспрашивать.

Я снова потянулась к кружке – уже осторожнее и, наконец, взяла её в руку. Горячий чай обжёг горло. Терпкий вкус крепкой заварки смешался с мягкостью молока. Тепло разлилось по телу, прогоняя остатки мерзкого озноба. Откусив жёсткий пористый хлеб, я почувствовала, как ко мне возвращаются крохи сил. Но вместе с насыщением росло и напряжение.

— Кто вы такой? — спросила я, допивая чай и со стуком опуская кружку на деревянный поднос. — Вы смотрите за

этими руинами в отсутствие хозяина?

— Меня зовут Эшфорд, — ровно ответил он. — Ронан Эшфорд. Хозяин этого замка.

Я недоверчиво хмыкнула, вспомнив его растрепанный вид во дворе, порванную рубашку и абсолютную заброшенность этого огромного пустующего места, заросшего бурьяном.

— Вы ожидаете, что я поверю? Возможно, вы просто сумасшедший бродяга, захвативший пустующее поместье в глуши.

Эшфорд медленно, невероятно грациозно для своего крупного телосложения повернулся в мою сторону. Густая тень все еще скрывала верхнюю половину его лица.

— Ваша вера меня совершенно не заботит. Вы явились в мой дом без приглашения. Устроили представление и упали в обморок передо мной. Я оказал вам помощь исключительно из практических соображений. Скоро ваши вещи высохнут, и вы покинете Воронью Балку навсегда.

***

Его резкость больно задела мою уязвлённую гордость. Загнанная в угол, лишённая абсолютно всего, я использовала единственное оставшееся у меня оружие – природную дерзость.

— Я приехала по официальному письму адвоката моего покойного дяди. И я не уйду отсюда, пока не выясню, что случилось с моим законным наследством. Если вы действи-

тельно хозяин, то обязаны предоставить мне кров и нормальное гостеприимство.

Его чувственные губы тронула мрачная усмешка. Моя наглость вызвала в нём интерес.

— Гостеприимство замка Чёрного Крыла весьма специфично. Вы уже успели оценить его во дворе. Здесь нет адвокатов, нет наследства и совершенно точно нет места для капризных девиц.

Давящая атмосфера вечной ночи, царившая в замке, начинала сводить меня с ума. Зал тонул в густых тенях. Серые сумерки за окнами растворились в холодном мраке. Я с трудом различала очертания громоздкой мебели и высокую неподвижную фигуру самого Эшфорда.

— Здесь невозможно дышать от этой темноты, — сказала я, намеренно повысив голос, чтобы скрыть нарастающую тревогу. — Зажгите свет. В замке найдутся хотя бы обычные свечи?

Сначала Эшфорд стоял неподвижно. Потом он поднял правую руку на уровень груди. Лёгкое движение пальцами, похожее на жест дирижёра перед вступлением оркестра.

В тот же миг в огромном каменном зеве очага вспыхнуло пламя.

Я моргнула.

Так зажигают огонь только огненные маги… или существа, в чьей крови живёт пламя.

На мгновение мне показалось, что пламя тянется ко мне.

Будто узнаёт. Я испугалась, что он тоже это заметит – и тогда появятся вопросы. Но он молчал.

Запахло жжёными травами. Тени на каменных стенах заметались. Жар стремительно заполнил зал, прогоняя вековой холод.

Беспощадный свет, наконец, выхватил лицо мужчины из полумрака. Я замерла, жадно вглядываясь.

Поперёк левой щеки, тянулся глубокий застарелый шрам, жестоко искажавший пропорции лица. А выше, прямо над шрамом, глаза закрывала плотная повязка из тёмной ткани.

Неужели…

Мужчина, стоявший передо мной, явно был слеп.

Глава 3

Ронан Эшфорд

Я стоял неподвижно. Огонь в очаге разгорался – я чувствовал, как жар наползает на лицо, на плотную повязку, скрывающую бесполезные глаза, на старый шрам. И теперь, при свете, она наверняка увидела моё уродство.

Я ждал привычного: сдавленного вскрика, торопливого стука каблуков по камню.

Вместо этого – тонкий запах лесного ручья и ровное, спокойное дыхание. Она не двинулась с места. Любопытно.

Справа мягко прошуршали лапы. Сиарра остановилась рядом, почти касаясь моего бедра тёплым боком. Я опустил руку на её холку.

— К камину, — негромко приказал я.

Пантера беззвучно отошла и улеглась у очага. Незачем пугать гостью раньше времени – одного слепого чудовища на вечер вполне достаточно.

Кажется, девушка поднялась. Тяжёлая шерсть зашуршала – должно быть, она плотнее закуталась в плед. Не отступила ни на шаг, даже когда Сиарра прошла мимо.

— Что с вами случилось? — тихо спросила она.

— Не ваше дело, — отрезал я.

— Я спросила лишь потому, что мне проще разговаривать с человеком, которого я хоть немного понимаю.

Её прямота раздражала. Тревожил сам факт внимания – тем более такого пристального. Куда привычнее были испуганные леди. С ними я всегда знал, как себя вести.

Она подошла ближе – почти вплотную. Тепло тела, тихое дыхание, запах лесного ручья – теперь совершенно отчётливый. Здравый смысл требовал отступить, но я остался на месте.

— Когда прибудет лорд Гудвэй? — продолжила она.

Гудвэй. Знакомая фамилия из прошлой жизни. Я совершенно не понимал причины, по которой лорд Гудвэй мог назначить встречу в руинах моего родового замка. Одинокая молодая женщина появляется в глуши, задаёт странные вопросы, ссылается на известных людей. Я обдумывал варианты.

— Здесь никого не ожидается, — холодно произнёс я.

Разум методично анализировал ситуацию. Тщательно спланированная афера. Хитрые интриги дальних родственников. Подставная история для незаконного проникновения в замок. Я вслушивался в тембр её голоса, искал малейшие признаки лжи или фальши. Но не находил. Именно искренность беспокоила меня сильнее всего.

— Я отправлю вас в деревню, — принял я решение.

— Не нужно, — ответила она. — Я останусь здесь до встречи с лордом Гудвэем.

Она сделала ещё шаг ко мне. И в то же мгновение постоянный звон в ушах стал тише. Тяжесть в висках, не отпус-

кавшая месяцами, ослабла. Воздух вошёл в лёгкие легко и свободно – будто тиски разжали хватку. Я нахмурился. Этому должно быть рациональное объяснение.

— Вы останетесь до утра, — жёстко произнёс я, обрывая разговор. — Утром отправим за лордом Гудвэем.

Она промолчала. Я сделал последний вывод на её счёт: она либо безрассудна, либо опасна. Третьего не дано.

Джулия Блэквуд

Я рассматривала его лицо в неровном свете камина. Шрам глубоко пересекал щёку, жёстко искажая черты, но казался неотъемлемой частью этого мрачного человека – не уродством, а историей. Ронан Эшфорд держался с пугающей дисциплиной. В его неподвижности читалась постоянная готовность к удару.

Он выглядел как солдат, так и не покинувший поле боя. Магические войны умели оставлять такие следы – не только на теле.

У камина бесшумно дышала чёрная пантера. Зверь лежал, вытянув лапы, и жёлтые глаза следили за каждым моим движением. Я старалась не смотреть в ту сторону – от одного взгляда холодело в животе.

— Хорошо, — сказала я. — Дождёмся завтрашнего дня.

Ронан резко повернулся, и бедром задел край низкого дубового столика. Тяжёлая подставка со свечой накренилась – прямо над креслом, обитым бархатом.

Я шагнула вперёд и потянулась к свече. Ронан перехватил

моё запястье в воздухе – быстрее, чем я успела коснуться подставки.

Мы замерли.

Его ладонь обжигала кожу. Запястье под его пальцами казалось невыносимо живым. Глубоко в груди вспыхнула искра, и обжигающее тепло побежало по венам. Древнее пламя зашевелилось под кожей, откликаясь на прикосновение. Я стиснула зубы, загоняя выброс магии обратно. Секрет моей крови должен оставаться в тайне.

Он медленно разжал пальцы и опустил руку.

— Не подходите ко мне так бесшумно, — сказал он низким голосом.

— Свеча, — тихо ответила я, потирая запястье. — Вы задели столик.

Мы стояли рядом, разделённые узкой полоской света от камина.

В тёмном коридоре раздался звук.

Чёткие, уверенные шаги эхом разносились по каменным плитам галереи. Кто-то целенаправленно приближался к дверям главного зала.

Я замерла на месте.

Ронан медленно повернул голову в сторону арочного прохода.

Глава 4

Шаги в галерее становились всё громче. Эхо множило звук, превращая его в ритмичный, уверенный марш. Массивная дубовая дверь подалась вперёд с протяжным скрипом старых петель.

Честно говоря, я рассчитывала увидеть пожилого господина с потёртым портфелем. Но на пороге стояла молодая женщина – высокая, с безупречной осанкой, в дорожном платье из тёмно-синего бархата. Плечи укрывала плотная меховая накидка, волосы были убраны в идеальную причёску. Светлые пронзительные глаза мгновенно обежали огромный, утопающий в тенях зал и остановились на мне.

Я всё ещё стояла босиком на холодных каменных плитах, закутавшись в тяжёлый шерстяной плед, пропахший сухими травами.

Тонкие брови гостьи медленно поползли вверх. Она скользнула взглядом по моим оголённым плечам, по растрёпанным волосам, а затем перевела внимание на Ронана Эшфорда.

— Брат, — произнесла она мягким, текучим голосом. — Я проделала долгий путь, чтобы навестить тебя в этой глуши, а ты даже не выходишь встретить меня во двор. И, вижу, ты не один.

Она переступила порог. Следом за ней в зал вошли двое

рослых слуг в тёмных ливреях. В руках они несли тяжёлый деревянный ящик и несколько перевязанных лентами свёртков.

Ронан выпрямился. Его фигура напряглась, мышцы под рубашкой окаменели. Лицо под плотной повязкой из тёмной ткани стало абсолютно непроницаемым. Глубокий застарелый шрам на щеке выделился резче в отсветах пламени.

— Элинор, — ровно ответил он. — Не ожидал.

Сестра приблизилась. От неё потянуло густым, сладковатым ароматом – тяжёлые цветочные духи и что-то ещё, неуловимое, маслянистое. У меня мгновенно запершило в горле.

— Я всегда забочусь о тебе. — Она коснулась его предплечья рукой в шёлковой перчатке. Пальцы задержались на мгновение дольше, чем следовало. — Привезла твоё любимое южное вино. И особые успокаивающие благовония. Тебе необходим покой, Ронан. — Её взгляд скользнул по его лицу. — Ты выглядишь крайне утомлённым.

Я наблюдала за этой сценой, и тревога медленно разливалась по венам. Слова Элинор звучали ласково, движения источали заботу, но что-то внутри меня, что-то древнее и очень чувствительное, отзывалось на каждый её жест нарастающим гулом в голове. Так моя кровь всегда предупреждала об опасности.

Я втянула воздух глубже. За сладкими нотами, за тяжёлыми цветочными духами пряталось что-то смрадное.

Элинор обернулась. Её глаза сузились, скользнули по мне – от босых ног до спутанных волос – с откровенным презрением.

— Кто эта девица?

Девица?

— Меня зовут Джулия Блэквуд, — ответила я, выпрямляя спину и глядя ей прямо в глаза.

— Она заблудилась во время бури, — жёстко произнёс Ронан. — Завтра утром покинет Воронью Балку. — Он чуть повернул голову в мою сторону. — Леди Блэквуд, ваше платье сушится у камина в соседней комнате. Ступайте и приведите себя в порядок.

Его тон исключал возражения. Я коротко кивнула – хоть он этого и не увидел – развернулась и направилась к указанной двери. Спиной я ощущала цепкий, холодный взгляд Элинор.

Соседняя комната оказалась небольшой библиотекой с высоким сводчатым потолком. У растопленного очага на спинке массивного стула висели моё платье и бельё – ткань полностью просохла и сохранила приятное тепло.

Я сбросила колючий плед и принялась торопливо одеваться. Пальцы путались в завязках и пуговицах, а разум лихорадочно сопоставлял факты.

Элинор приехала внезапно. И по лицу Ронана было ясно – он не рад. А эта удушливая волна, маслянистый привкус в воздухе... Уж мне ли не распознать то, что прячут за цве-

точными духами.

Я затянула корсет, одёрнула юбки, пригладила растрёпанные волосы руками. Зеркала в библиотеке не нашлось, да и не до того.

Вмешиваться в дела могущественного человека – верная гибель. Здравый смысл требовал уйти завтра утром, как и было сказано, и забыть Воронью Балку навсегда.

Но перед глазами стояло письмо. Идти мне было некуда. Ничего не осталось. А пока есть хоть призрачная надежда на наследство – я с места не двинусь.

Я толкнула тяжёлую дверь и шагнула.

Элинор исчезла. Слуги тоже – оставив на низком дубовом столе корзины и свёртки.

Ронан стоял у камина в прежней позе. Пантера беспокойно мерила шагами пространство перед огнём, мотала головой, втягивала воздух раздувающимися ноздрями. Новый запах в зале ей явно не нравился.

Мне тоже.

— Ваша сестра отправилась отдыхать? — спросила я, подходя ближе.

— Она заходила ненадолго. Уже уехала. — Ронан повернул голову в мою сторону. — Завтра, сразу после визита лорда Гудвэя, я прикажу запрячь экипаж. Вы уедете в город. Здесь вам не место.

Я остановилась в нескольких шагах от него. Взгляд упал на деревянный ящик с вином – бутылки были плотно уложе-

ны в солому. Любимое южное вино. Особые успокаивающие благовония.

— Вы ей доверяете? — вырвалось, прежде чем я успела себя остановить.

Ронан медленно шагнул ко мне.

— Что?

— Вы доверяете сестре?

Тишина. Пантера замерла, подняв морду.

— Вы гостья под моей крышей, — произнёс он тихо. — Не забывайтесь.

Пантера замерла. Мышцы окаменели под блестящей чёрной шкурой, уши прижались к голове – и она уставилась в сторону выхода, глухо зарычав.

Зверь тоже чувствовал неладное.

А потом раздался треск. Одна из массивных каменных плит над каминной полкой, подточенная временем, откололась и полетела вниз, увлекая за собой тяжёлый бронзовый канделябр.

Пантера рыкнула – оглушительно, утробно – и метнулась в сторону. Прямо мне под ноги. Чёрная туша ударила по щиколоткам, каблук скользнул по гладкому камню, и в этот миг – не думая, не соображая, на чистом страхе – я рванулась к единственному, кто был рядом.

К нему.

Руки вцепились в плечи, пальцы впились в ткань рубашки. Я прижалась к Ронану всем телом, почти повиснув на

нём, – и тогда его ладони легли мне на талию.

Канделябр упал рядом. Пантера утробно рычала на оседающую пыль.

Грудь Ронана Эшфорда тяжело вздымалась под моими ладонями, горячее дыхание обжигало щёку.

А я всё держалась за его плечи – и не могла разжать пальцы.

Глава 5

Ронан Эшфорд коротко щёлкнул пальцами, и пантера послушно улеглась у камина, опустив тяжёлую голову на лапы. Только хвост продолжал мерно подрагивать – зверь следил за мной.

— Ну и неловкая же ситуация, — рискнула заметить я, когда тишина после грохота канделябра, наконец, воцарилась.

Я всё ещё инстинктивно держалась за его плечи. Он отстранился первым – снял мои руки с себя, как снимают чужое, и опустил ладони с моей талии.

— Неловкая? — спросил он.

Слово прокатилось эхом под каменными сводами. Он прошёлся по плитам – тяжело, уверенно, как человек, привыкший к темноте.

— Неловко – это когда магия выходит из-под контроля в неподходящий момент. Неловко – столкнуться с кредитором на благотворительном балу. Неловко – забыть имя человека, который помнит твоё. — Он остановился. — А это не неловкость. Это заговор.

— Заговор? — я сжала руки в замок, чтобы они не дрожали. — Уверяю вас, я не причастна ни к каким заговорам. Я вообще не собиралась сюда приезжать, пока не получила письмо.

— Письмо, — повторил он.

— Я же говорила. Письмо от…

— Я помню.

Пантера у камина коротко зарычала.

— Никак не возьму в толк, зачем вас позвали в мой дом, — сказал он, и голос его стал тише, точно он говорил уже не со мной, а с самим собой. — Это не соответствует никакой логике.

Пожалуй, я была с ним согласна. Но это ничего не меняло.

Ронан замолчал. Я воспользовалась его задумчивостью, чтобы рассмотреть лицо.

Глубокий застарелый шрам пересекал его наискось – от виска к скуле, жестко стягивая кожу. Упрямый подбородок, тяжёлая челюсть, резкая линия рта. Глаза скрывала плотная повязка. И если бы не инцидент со свечой – его рука, шарившая в пустоте, прежде чем я перехватила канделябр, – я бы, возможно, не сразу поняла, насколько он уязвим в своей слепоте.

Внезапно он направился в другой конец зала – ориентируясь в пространстве с грацией, которой я могла лишь позавидовать. Подошёл к моему потрёпанному саквояжу с облезлой ручкой, оставшемуся у камина, и поднял его одной рукой.

— Сейчас я покажу вам комнату, где вы переночуете, — резко сказал Ронан. — Но завтра вы уходите.

Если бы он только знал, что мне совершенно некуда идти. Ни средств, ни экипажа.

— Но куда? — вырвалось у меня, прежде чем я успела прикусить язык.

— Уверен, для вас это не проблема.

Он произнёс это с такой будничной уверенностью, что я едва не рассмеялась. Тоже мне. Нашёлся знаток чужих проблем.

Ронан развернулся к двери и двинулся вперёд. Привычный маршрут, заученный телом. Но мой саквояж оказался шире, чем он рассчитывал, – Ронан не вписался в проём между стеной и колонной, рванул руку на себя, и ржавый настенный крюк, на котором когда-то висел факел, глубоко распорол ему тыльную сторону ладони.

Он глухо выругался, но не остановился – сделал ещё два шага, прежде чем саквояж выскользнул из мокрых от крови пальцев и ударился о каменный пол.

Пантера, мерившая шагами пространство у камина, утробно зарычала.

— Вы поранились! — Я бросилась к нему.

— Неважно, — отрезал он.

Но я уже перехватила его запястье. Тёплая кровь сочилась из пореза, капая на каменный пол. Порез был глубоким, и края разошлись.

— Позвольте мне. Я умею обращаться с ранами.

— Не нуждаюсь.

— А я не спрашиваю.

Я достала из кармана чистый платок, обмотала его ладонь

и крепко сжала. Потом, не давая себе думать, накрыла ткань пальцами и отпустила простейшее заживляющее заклинание – тёплое, бытовое, каким деревенские знахарки лечат ожоги и ссадины. Ничего особенного. Ничего опасного.

Сняла ткань. Края раны начали стягиваться.

И тогда что-то пошло не так.

Кровь Ронана под моими пальцами стала горячей.

Потом – ещё горячее.

Жар шёл не от заклинания. От него самого. Из глубины, куда обычная магия не добирается.

Под кожей будто тлело собственное пламя.

Я замерла.

Кровь не бывает такой горячей. Даже у сильных магов.

Я знала только одно существо, чья кровь могла обжечь.

Дракон.

Мысль мелькнула – и я тут же попыталась её прогнать.

Нет.

Совпадение.

Мало ли странностей бывает у раненых магов.

Я просто устала. Голодная. Магия сорвалась с цепи – вот и чудятся глупости.

И всё же…

Слишком горячая кровь.

Слишком живой огонь под кожей.

И моя собственная магия откликнулась так, будто узнала его.

Я медленно отдёрнула руку.

Нет.

Этого не может быть.

Потому что если это правда – значит, я только что добровольно вошла в дом дракона.

— Что, — сказал он тихо, — вы только что сделали?

Пантера вскочила на лапы. Шерсть на загривке поднялась дыбом.

— Заживляющее заклинание. Обычное заживляющее…

— Не лгите мне.

Его голос упал до шёпота, и от этого по моему позвоночнику прошёл холод.

— Кто вы? — произнёс Ронан Эшфорд.

Глава 6

Сглотнула. Тайна требовала защиты – раскрытие моей природы означало верную смерть. Люди охотятся на таких существ. Оставалось одно: солгать убедительно. Взгляд скользнул по перевязанному лицу Ронана.

— Я бытовая ведьма, — вырвалось первое, что пришло в голову. — Лекарь-недоучка.

Ронан нахмурился. Пальцы на моём запястье дрогнули, но хватка не ослабла.

— Так ведьма или лекарь?

— И то, и… то… — голос предательски дрогнул. — Дар нестабилен. Магия выходит из-под контроля. Хотела залечить порез, а из-за голода она сработала как кипятильник. При истощении мои силы всегда барахлят.

Молчание. Сомнение проступило в изгибе его губ – и я торопливо добавила:

— В моей семье женщины так чинили кастрюли. Иногда ставили заплатки на одежду. На людях магия искрит. Получается тепловой выброс, ничего опасного.

Ронан разжал пальцы. Отступил на шаг. Слова мои прозвучали жалко, нелепо – но, кажется, именно эта неуклюжесть его и убедила. Ходячая катастрофа, не угроза. Вот кто я в его глазах. Бестолковая девица с искрящими руками.

— Идёмте, — бросил он.

Ронан подхватил мой саквояж и двинулся по коридору. Я засеменила следом. Винтовая лестница увела нас вверх – ступени крошились под ногами, роняя каменную крошку в темноту. Хозяин толкнул дверь плечом. Петли взвизгнули так, будто их не трогали годами.

— Ваша спальня на сегодня.

Запах… Тяжёлый, кисловатый дух запустения, от которого защипало в носу.

Я заглянула внутрь и на мгновение застыла.

Паутина свисала с потолка серыми полотнами, густая и плотная, точно занавес заброшенного театра. Пол тонул под слоем пыли – такой толстой, что на ней остался бы отпечаток ладони. Штукатурка лоскутами отходила от стен, обнажая сырой камень в пятнах чёрной плесени. В углу догнивал остов шкафа – дверцы провисли на одной петле, внутри темнела труха. Кровать ещё стояла, но балдахин над ней превратился в рваные лохмотья, а матрас просел и бугрился, будто под... Ух, даже думать не хотелось. Единственное окно, мутное от грязи, едва пропускало лунный свет.

Ронан ждал. Я чувствовала это затылком – ждал реакции. А может, надеялся, что убегу.

Но я не убежала.

Шагнула через порог. Подошва хрустнула по каменной крошке. Я окинула комнату взглядом.

— Здесь понадобится ведро щёлока, — произнесла я. — Жёсткая щётка. Заклинание анти-плесени для стен. Шторы

можно перешить – ткань плотная. После стирки этот бархат станет сносным пологом.

Повязка на его лице чуть сдвинулась – кажется, он приподнял бровь.

— Не стоит утруждаться, — голос прозвучал ровно. — Завтра вы уйдёте, и комната снова опустеет. Спокойной ночи. После визита Гудвэя – не забудьте.

Развернулся и шагнул во тьму коридора. Звук шагов растворился в тишине.

Я осталась одна.

Постелила плед на кушетку – кровать выглядела слишком грязной даже на вид. Легла поверх колючей шерсти, подтянув колени к груди. Сквозняк гулял по комнате, задувая в щели окон. В углах шуршали мыши.

Усталость валила с ног, но сон не шёл – мысли кружили вокруг наследства, не давая провалиться в забытьё.

А потом я уловила запах.

Тонкий сладковатый аромат благовоний просочился сквозь щели двери. Кажется, это то, что принесла Элинор.

Кровь отозвалась мгновенно – жар опалил вены, боль резанула виски, магия запульсировала под кожей, рвалась наружу.

Я села рывком. Сердце колотилось. Этот запах – не просто благовония. Что-то в нём отдавало горечью, чем-то неправильным, ядовитым.

Ронана травят? Вредят? Собственная сестра?

Выдохнула с шумом. Пальцы впились в шерсть пледа.

Я могла бы уйти. Утром собрать саквояж – и прочь из этого замка. Но моя природа не позволяла бросить его в беде. Оставить умирать – от одной мысли боль сдавила затылок. Целый год потом голова не отпустит. Так уж я устроена.

Только вот почему моя кровь так остро отзывается именно на него? Откликается, тянется – будто узнаёт...

Только не это. Только не драконья кровь.

Я откинулась на кушетку и уставилась в потолок. Бросить его я не могла в силу своей природы. Это я уже знала наверняка. Да и идти мне некуда.

Утро наступило быстро.

Солнечный свет пробился сквозь грязные окна. Я спустилась во двор. Ронан стоял у входа в замок, а рядом переминался на брусчатке мальчишка – раскрасневшийся, тяжело дышащий после бега.

— Лорд Гудвэй отбыл в столицу, — выпалил паренёк. — Вернётся через месяц.

Закусила губу. Месяц. Так долго! А я до сих пор не знала, что с моим наследством.

Ронан повернул ко мне голову.

— Какая жалость, — произнёс он без тени сочувствия. — Ваш дилижанс ждёт. Прощайте, леди Блэквуд.

Рука указала в сторону арки. За воротами и правда виднелся экипаж, лошадь нетерпеливо переступала копытами.

Я подошла к саквояжу. Подняла. Дотащила до порога. По-

ставила на каменный пол. И села сверху.

— Мой капитал составляет тридцать монет, — сказала я. — Список связей пуст. Путь окончен здесь.

Ронан скрестил руки на груди. Ткань рубашки натянулась.

— Буду сидеть до возвращения Гудвэя, — продолжила я. — Разрешаю скормить меня пантере. За ворота отказываюсь выходить. Под крышей я хотя бы останусь сухой.

Тишина. А потом из тени – бесшумно, текуче – выступила сама пантера.

Я съёжилась.

Она приблизилась, обнюхала мои колени. Влажный нос ткнулся в юбку – и зверь улёгся рядом на холодные плиты. Хвост обвил мои лодыжки, точно привязь. Я выдохнула. Улыбка тронула губы сама собой.

Ронан выдохнул тоже. Тяжелее. Челюсть сжалась так, что проступили желваки.

Он потёр лоб. Долго молчал. Я видела, как он взвешивает что-то в голове.

— Хорошо, — выдохнул он наконец. — Раз вы так настаиваете – оставайтесь. Но будете отрабатывать хлеб.

Я подняла голову.

— Что вы хотите сказать?

— Станете моей временной помощницей. До возвращения лорда Гудвэя. Будете читать бумаги. Заодно приведёте в порядок пару комнат – вы сами напросились. Взамен получите еду, защиту и даже жалование. — Он шагнул ближе.

Наклонился – так близко, что я почувствовала тепло его дыхания. — Так что? Вы согласны?

Глава 7

Согласна ли я?

Ветер ворвался во двор, закрутил подол юбки. Ронан Эшфорд стоял надо мной – близко, слишком близко, – и ждал ответа.

Я смотрела на него снизу вверх. Повязка на лице казалась частью его самого. Шрам белел на скуле, и утренний свет не делал его мягче.

Временная помощница. Читать бумаги. Привести в порядок комнаты. Еда, кров и жалование.

Разумно, конечно. Почти по-человечески.

Но я знала: разум здесь ни при чём. Кровь бурлила с того мгновения, как я переступила порог замка. Золотое пламя, притихшее после ночи, снова поднялось – стоило хозяину склониться ко мне. И боль пульсировала в висках, та самая, от которой не спасают ни травы, ни заговоры.

Я знала, что это значит.

Моя природа уже привязала меня к нему. Незримая нить – от моей крови к его ранам. Уйти сейчас, оставить его – и боль превратится в месяцы непрекращающейся мигрени. Так устроены такие, как я: не способны бросить существо, чью боль однажды почувствовали.

И всё во мне указывало на одно – то, что я не решалась сформулировать даже мысленно.

Но мысль возвращалась.

А если он и правда дракон?

Горячая кровь. Живой огонь. Отклик моей магии.

Но дело было не только в этом.

Гудвэй. Лорд Гудвэй, написавший мне золотыми чернилами на белой бумаге, позвавший в замок слепого дракона – и так кстати исчезнувший накануне моего приезда. Месяц в столице. Как удобно. Словно кто-то заранее просчитал, что я окажусь здесь одна: без защиты, без средств, без выбора. Словно кто-то точно знал, что уйти я не смогу.

Случайность? Я давно перестала верить в случайности. Слишком много совпадений: письмо, наследство, замок, в котором живёт существо с драконьей кровью. А я… Мог ли кто-то знать, что я такое, и намеренно нас свести? Вопрос только – кто. И не окажется ли ответ ещё неприятнее вопроса?

Ронан чуть отклонился назад. Повернул голову – не ко мне, а к чему-то, что слышал только он. Может, к ветру в галерее. Может, к стуку моего сердца.

— Ваше решение, леди Блэквуд? У меня нет привычки ждать, — голос стал ниже. — Но запомните одно. В этом замке есть двери, которые не открываются. Комнаты, в которые не входят. И вопросы, которые здесь не задают.

Пантера у моих ног подняла голову. Жёлтые глаза мигнули – медленно, сонно, будто ей наскучило ждать, пока люди договорятся.

— Я согласна, — выдохнула я.

Поднялась с саквояжа, отряхнула юбку. Пантера издала низкий вибрирующий звук.

— Сиарра, — негромко позвал Ронан. — Иди ко мне.

Сиарра. Что-то в этом имени было от ночного ветра – свистящее, опасное и красивое. Имя шло ей так же, как мрачность – её хозяину.

Пантера поднялась и подошла к мужчине, ткнувшись лбом ему в бедро. Сильные пальцы зарылись в густую чёрную шерсть.

— Верните вещи леди Блэквуд в спальню, — бросил Ронан куда-то в пустоту.

Из тени тут же отделилась фигура – старик-слуга, которого я прежде не замечала. Невысокий, сухой, с лицом, похожим на печёное яблоко.

Он остановился в шаге от меня.

На миг показалось, что старик принюхивается.

Мутные глаза скользнули по моему лицу. Потом он молча подхватил саквояж и исчез за поворотом, как привидение.

Интересно, сколько ещё пар глаз наблюдают за мной из темноты?

Ронан двинулся к лестнице. Сиарра скользнула следом. Я – за ними.

Лестница уводила вглубь замка. Стены сужались, потолок угрожающе нависал, и свет из двора добирался сюда всё сла-

бее, пока не иссяк совсем. Темнота пахла сыростью, старым камнем и благовониями. Благовония Элинор.

Я невольно задержала дыхание.

Золотое пламя внутри рвалось наружу, тянулось к нему – к его ранам, к крови, к тому, что медленно убивало его изнутри. Моё тело знало то, что разум ещё только складывал в слова: Ронан Эшфорд угасал. Слепота была лишь верхушкой. Но что пожирало корни?

Элинор не шла из головы. Благовония. Южное вино.

Неужели он не чувствует?

Или чувствует, но не понимает откуда?

— Не отставайте, — раздался его голос впереди. Ровный, спокойный. И всё же мне показалось, что он прислушивается к моим шагам.

— Я иду, — отозвалась я.

Мы поднялись наверх. Ронан остановился у знакомой двери – той самой комнаты с паутиной и прогнившим балдахином – и отступил в сторону, пропуская меня. Жест был точным, выверенным. Слепой, который никогда не промахивается мимо дверного проёма, – это впечатляло. И немного пугало.

— Располагайтесь. Начнёте с библиотеки – там скопились неразобранные бумаги за полгода. Элинор присылала счета, я их не вскрывал.

— За полгода? — переспросила я.

— У меня были дела поважнее.

— Например?

Я тут же выругала себя за излишнее любопытство.

— Помните правило? Не задавать вопросов.

Я прикусила язык.

Сиарра улеглась у порога, вытянув лапы. Хвост мерно постукивал по камню.

— И ещё, леди Блэквуд.

— Да?

— Не лезьте в подвалы.

— А что в подвалах?

— То, ради чего я сказал «не лезьте».

Я выдержала паузу. Потом самым сладким голосом, который только у меня имелся в запасе, сказала:

— Благодарю за гостеприимство, лорд Эшфорд. Паутина на балдахине – чудесный штрих.

Уголок его рта дрогнул. Несостоявшаяся улыбка мелькнула и пропала.

— Паутину можете убрать. Пауков не трогайте. Они здесь дольше, чем я себя помню.

Он развернулся и ушёл. Темнота поглотила его за три шага – быстро, жадно, словно он был частью этого мрака и лишь ненадолго вышел из него на свет. Сиарра поднялась и скользнула следом, напоследок мазнув хвостом по моей юбке.

Я закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Выдохнула.

На какое-то время это мой дом. А дальше посмотрим.

Села на кушетку – пружины скрипнули, будто и они давно

отвыкли от живых. Золотое пламя под кожей, наконец, угомонилось. Свернулось, как зверь в норе, ожидая своего часа.

Я не должна выдать себя.

Но внутри уже шевельнулось нехорошее предчувствие, холодком пробежало по позвоночнику: в этом замке ничего не пойдёт по плану. Включая хозяина.

Глава 8

Остаток дня ушёл на физическую работу.

Деревянное ведро я обнаружила в конце пустого коридора. Ручка отломилась, стоило потянуть. Я подвязала обломок обрывком тесьмы от балдахина – получилось криво, но держалось – и спустилась во внутренний двор.

Колодец встретил заржавевшим воротом. Цепь визжала при каждом обороте – звук, от которого сводило зубы, – а ведро дважды срывалось обратно, окатывая лицо ледяными брызгами. Четыре ходки. Мышцы спины гудели. На третьем подъёме ступень просела под ногой, выплюнув облачко каменной крошки. Я вжалась в стену. Переждала. Пошла дальше. Замок явно проверял, надолго ли меня хватит.

Сначала я содрала прогнивший балдахин. Ткань расползалась в руках серой трухой, оседала на волосах, забивалась в горло. Я закашлялась, отодрала последний клок и минуту стояла, отплёвываясь, – картина, достойная гобелена.

Оконная рама поддаться отказалась: разбухшее дерево вросло в каменный проём. Я упёрлась обеими руками. Навалилась плечом. Рама дрогнула и уступила с протяжным скрипом. Мутное стекло я оттёрла мокрой тряпкой, и уличный свет хлынул в спальню – пылинки закружились в столбе лучей, а комната приобрела почти жилой вид.

Затем я отправилась в библиотеку.

Помещение оказалось пугающе просторным – книжные полки уходили под потолок, а корешки вросли друг в друга от сырости, словно замок давно решил, что чтение здесь ни к чему. На длинном столе высились горы писем.

Я подошла к столу и взяла верхний конверт. Плотная бумага сохранила запах сургуча и чернил. Печать была сломана. Внутри – счёт за поставку благовоний. Дата стояла свежая. Следующее послание содержало накладную на вино: столичный торговец просил оплатить пять бочонков. Далее – ещё один счёт. И ещё. Специи, ткани, аптекарские масла, ладан. За полгода накопились десятки бумаг, и все – один почерк, одна подпись заказчика.

Элинор.

Сестра полностью контролировала поставки в замок. Каждый мешок муки, каждую свечу, каждый флакон. Ронан Эшфорд жил внутри мира, который она выстроила для него, – слепой хозяин, зависящий от неё целиком.

Я сложила бумаги в ровные стопки по месяцам. Работа помогала не думать о собственном положении – а о нём стоило не думать как можно дольше. Позже придётся разобрать счета детальнее. Возможно, в них обнаружится что-нибудь полезное.

Сумерки наступили быстро. Углы библиотеки утонули во мраке.

За несколько часов я так и не увидела хозяина замка – только чувствовала. Шорох за спиной, движение воздуха,

тень на краю зрения. Казалось, обернусь – и он там. Я оборачивалась. Никого. Либо Ронан Эшфорд умел двигаться бесшумно, либо сам замок обзавёлся скверным чувством юмора.

Я поспешила в свою комнату.

Не успела переодеться – скрип дверных петель вырвал меня из оцепенения.

На пороге стоял давешний слуга. Старик держал деревянный поднос, и запах мяса достиг меня раньше, чем я успела подняться. Желудок сжался.

— Благодарю, — сказала я.

Слуга поставил поднос на табурет. Развернулся к выходу. Движения плавные, бесшумные – слишком плавные для его возраста.

— Постойте.

Он замер и обернулся.

— Как ваше имя?

Молчание. Глаза смотрели сквозь меня. Руки висели вдоль тела.

— Мне нужно знать расположение кухни. Где хранятся припасы? Я вызвалась помогать лорду Эшфорду, и завтра мне понадобятся чистые тряпки и горячая вода.

Слуга склонил голову набок.

— Внизу, — каркнул он.

— Завтра я сама спущусь за завтраком. Покажете дорогу?

Качнул головой.

— Запрещено.

Развернулся, шагнул за порог. Дверь закрылась. Что ж – запрещено так запрещено. По крайней мере, ужин принесли.

Остывающее мясо оказалось жёстким, ржаной хлеб крошился в пальцах. Я проглотила всё до последнего кусочка и запила колодезной водой из кувшина.

Лучше бы сама приготовила.

Ночь накрыла замок целиком.

Стылый воздух просочился сквозь щели. Я легла на кушетку – пружины заскрипели, колючий плед едва доставал до щиколоток. Сон не шёл. Мозг перебирал события дня: счета, молчаливого слугу, слепого хозяина.

Воздух в комнате изменился.

Сначала я не поняла. Потом уловила – тонкая маслянистая нота. Под дверью потянуло знакомым ароматом. Те самые благовония. Сладковатый дым просачивался в каждую щель, заполняя коридор и спальню.

Кровь отозвалась раньше разума.

Жар вспыхнул в венах. Древняя магия заворочалась под кожей, поднялась от солнечного сплетения к горлу. Виски сдавило. Я зажмурилась.

Мои инстинкты – штука неудобная. И прямо сейчас каждый нерв говорил одно – Ронан Эшфорд в опасности.

Благовония, яд, проклятие – я не знала, что именно. Может, ничего из перечисленного. Но что-то в этом замке мед-

ленно убивало его, и сейчас я чувствовала очень подозрительный запах.

Аромат усилился. Мигрень навалилась всерьёз, а магия внутри рвалась наружу – исцелить, очистить, выжечь. Ждать утра стало невозможно. Если я останусь лежать, собственная кровь утопит меня раньше, чем я успею кому-нибудь помочь.

Мне нужно было понять, откуда идёт аромат.

Я нащупала свечу на столе. Зажгла огонёк магией – всё равно никто не видит. Пламя выхватило из темноты медный подсвечник. Я встала и шагнула к двери.

Коридор встретил меня темнотой и запахом.

Здесь дым ощущался плотнее – оседал на языке горькой плёнкой. Я ступала босиком. Каменные плиты обжигали ступни холодом, но так я производила меньше шума. Ботинки остались у кровати.

Замок жил собственной ночной жизнью. Где-то капала вода. Сквозняк гулял по галерее, норовил задуть свечу. Я прикрывала пламя ладонью. Длинные тени расступались передо мной и тут же смыкались за спиной.

Каждый шорох заставлял вздрагивать. Сиарра. Пантера свободно бродила по замку. Я представляла жёлтые глаза в темноте. Мои пальцы крепче сжали подсвечник. Единственное оружие.

Я старалась дышать ровно. Шаги давались с трудом – тело требовало бежать обратно, забиться в комнату, захлопнуть

дверь. Но кровь феникса тянула вперёд. Она вела меня точнее компаса. Туда, где дым гуще. Туда, где тлеет отрава.

Я миновала широкую лестницу. Аромат уплотнился до осязаемого – казалось, воздух можно резать ножом. Где-то здесь, за одной из этих дверей, хранилось то, что медленно убивало хозяина Чёрного Крыла.

Мне требовалось это найти.

Глава 9

Кровь горела.

Я шла босиком по каменным плитам галереи.

Стылый воздух забирался под тонкую ткань сорочки, оседал инеем на плечах, но внутри меня бушевал пожар. Древняя магия, разбуженная запахом опасности, билась в венах, требуя найти источник и выжечь его дотла.

Пламя свечи дрожало. Тени на стенах метались, вытягиваясь в когтистые лапы.

Я то и дело оглядывалась. Сиарра. Мне чудилось её дыхание за спиной. Казалось, стоит моргнуть – и во тьме вспыхнут жёлтые глаза, а тяжёлая туша бесшумно прыгнет на меня. Я сжала медный подсвечник. Глупое оружие против пантеры. Но с ним было чуть спокойнее.

Сквозняк лизнул лодыжки – дуло из-под створки ближайшего окна. Рама рассохлась. В углах скопилась вековая пыль.

Осмотрелась. Не только окну пришлось туго.

Гобелены истлели до дыр, а щели в кладке местами пропускали ночной холод. Мой внутренний эконом возмущённо цокнул языком.

Если я собираюсь выживать здесь в роли помощницы, придётся найти рабочих. Плотника. И кровельщика. И, вероятно, священника – на случай, если это место проклято.

Хотя какое там «если».

Сладковатый маслянистый аромат густел с каждым шагом, оседая на корне языка горькой полынью. Я повернула за угол и спустилась по узкой лестнице, придерживаясь рукой за шершавую стену.

Запах привёл на кухню. Огромное заброшенное помещение встретило мёртвой тишиной. Очаг покрылся слоем серой золы. На дубовых столах выстроились пустые котлы, потемневшие от копоти. С потолочных балок свисала паутина, а на магнитной полосе у стены ржавели поварские ножи. Я машинально тронула одно лезвие. Тупое. Очередная галочка в мысленном списке дел.

Но меня тянуло к дальней стене. Там, в глубокой нише, скрывалась массивная дверь, обитая потемневшим железом. Из щели под ней тянуло сыростью и концентрированным ароматом южных благовоний. И, кажется, вином.

Я замерла.

«Не лезьте в подвалы».

Голос Ронана прозвучал в голове так чётко, будто он стоял рядом.

Но у меня имелся и свой голос. А его я точно не могла игнорировать.

Возможно, там, внизу, находилось то, что медленно убивало хозяина замка.

Пальцы легли на ледяное железное кольцо. Дверь поддалась легко. Петли были свежесмазаны – кто-то ходил сюда регулярно.

Я переступила порог.

Из подвала дохнуло густым отравленным мраком. Глаза заслезились. Я нащупала босой ногой край ступени и начала спускаться. Раз. Два. Семь ступеней. Воздух густел, оседал смолой на губах. На восьмой я споткнулась, перехватила подсвечник, устояла.

— Вы плохо усваиваете простые правила, леди Блэквуд. Или не считаете нужным их усваивать – что, пожалуй, хуже.

Голос – снизу, из темноты. Негромкий.

Я застыла. Горячий воск капнул мне на запястье, и я вздрогнула.

В темноте скрипнуло кресло. Уверенные шаги – ему не требовалось света, чтобы ориентироваться в пространстве. Ронан Эшфорд поднимался мне навстречу.

Огонёк свечи выхватил его из мрака – высокий, в расстёгнутой на груди рубашке, с бокалом в руке. Тёмное вино. Он пил его в подвале, посреди ночи, один. Человек, привыкший к собственной темноте настолько, что уже не искал из неё выхода.

Незрячие глаза смотрели точно на меня.

— Я услышала запах, — сказала я. — Мне показалось, что-то горит.

Ронан чуть наклонил голову – так, словно я рассказала ему что-то забавное, но недостаточно забавное, чтобы он позволил себе улыбнуться.

— Горит. В подвале. Посреди ночи. И поэтому вы не под-

няли весь дом на уши, а крадётесь по лестнице сами. С подсвечником. В сорочке. — Он помолчал. — Вы либо отчаянно храбры, леди Блэквуд, либо слишком любопытны. И я пока не решил, что из этого мне нравится меньше.

Я моргнула. Он знал, как я одета. Слепой человек – знал.

— У меня чуткий нос, — сказала я, потому что правда прозвучала бы ещё хуже.

— Я заметил.

Он поднёс бокал к губам. Тёмное вино качнулось у края. Кровь отозвалась.

— Это вино, — сказала я. — Откуда?

— Вы ещё и допрашиваете хозяина дома. — Ронан отпил глоток. — Подарок сестры. Элинор присылает его каждый месяц. Единственное проявление родственной заботы, которое я готов принять. Возможно, потому, что оно не требует ответных знаков.

— А вам нравится?

Ронан покачал бокалом. Тени от свечи ложились на его скулы, на тёмные впадины глаз.

— Оно горчит, — сказал Ронан. — Раньше такого привкуса не было. — Пожал плечом. — Вино стареет. Как и всё в этом доме. Как и сам дом. И его хозяин.

— Вы не стары, — возразила я, прежде чем успела подумать.

Его бровь едва заметно дрогнула.

— Нет? Любопытно. А мне казалось, что я разваливаюсь

по частям с весьма похвальной последовательностью. Но раз леди Блэквуд вынесла свой вердикт, я успокоился.

— Вам стоит перестать пить по ночам в подвале, — настаивала я.

— А вам стоит перестать бродить по чужим замкам босиком, Джулия, — его голос стал тише. — Но мы оба знаем, что ни вы, ни я не последуем советам. Вы – потому что вам скучно. Я – потому что мне всё равно.

— И всё же вам не всё равно, — сказала я.

Ронан не ответил.

Он поставил бокал в каменную нишу. Шагнул ко мне. Тепло его тела проникло сквозь тонкую ткань сорочки.

Он наклонился к моему виску. Втянул воздух.

— Вы пахнете, — произнёс он задумчиво, — как догорающий костёр.

Я стиснула подсвечник.

— В моей комнате дурно топят, — сказала я. — Приходится подбрасывать дрова самой.

Зачем я это сказала – бог весть. Но было поздно.

Ронан молчал, слегка наклонив голову.

Пальцы на подсвечнике дрожали. Я переложила его в другую руку – будто это могло скрыть беспокойство.

— Расскажете?

Он не поверил. Конечно, не поверил в такую глупость.

Глава 10

Я вздрогнула всем телом. Рука дёрнулась, свеча качнулась – и сквозняк из распахнутой двери сделал остальное.

Пламя мигнуло. Погасло.

Мир исчез. Стало совсем темно.

А для Ронана Эшфорда ровным счётом ничего не изменилось.

— Я... — горло перехватило.

Он стоял прямо передо мной. На ступень ниже, но всё равно возвышался – тёмная глыба, заслонившая собой проход. Я не видела его лица. Зато чувствовала жар, исходивший от его тела. Драконье тепло. Оно накатывало волнами и мешалось с едкой горечью благовоний, которой насквозь пропиталась его рубашка.

— Итак, что вы здесь ищете, леди Блэквуд?

Его голос прозвучал так близко, что горячее дыхание коснулось моей макушки. Я запрокинула голову. Бесполезно – вместо лица маячило пятно чуть темнее остальной черноты.

— Воду, — выдавила я. — Я хотела пить. Кухня закрыта, колодец во дворе...

— Воду, — эхом повторил Ронан. — В подземельях, куда я строжайше запретил вам спускаться? У вас поразительное чутьё, Джулия. Вас бы следовало нанять ищейкой, а не помощницей.

Моё имя в его устах прозвучало неуместно интимно в этой темноте. Я сглотнула.

— Я заблудилась.

— Вы заблудились, — кивнул он. — Разумеется. Человек, ищущий воду, спускается на два этажа вниз, минует два запертых коридора и оказывается в подвалах замка. Безупречная логика. Мне стоит пересмотреть своё мнение о женском образовании.

Я стиснула зубы.

— Замки построены так, что в них блуждают даже хозяева, милорд. А я совсем недавно здесь обосновалась.

— Хозяева, — повторил он с короткой усмешкой. — Хозяева знают, где проложены стены. Это слепые гости, которые забредают туда, куда их не звали.

Он поднял руку. Я почувствовала движение воздуха, а потом его ладонь легла на перила – в нескольких сантиметрах от моего плеча. Второй рукой он упёрся на те же перила, только с другой стороны.

Клетка захлопнулась.

Сердце колотилось, и он точно это слышал. С драконьим слухом он должен различать, как мышь скребётся за тремя стенами, – мой пульс для него звучал набатом.

— Вы шпионите за мной? — Тон обманчиво мягкий. Под мягкостью – металл. — Кто вас послал? Мои враги?

— Никто меня не посылал!

Я вскинула подбородок.

— Я правда хотела пить. Кухня закрыта на засов. Колодец во дворе, на дворе ночь, а я в одной сорочке. Мне показалось, что внизу есть водопровод. Возможно, я переоценила свои познания в архитектуре старинных замков.

Ронан замолчал. Я ожидала новый допрос. Получила другое.

— Вы в одной сорочке?

Голос охрип на последнем слове. Едва уловимо.

Жар хлынул мне в щёки.

— Батист, — зачем-то уточнила я. И тут же мысленно себя прокляла.

Пауза стала гуще. Ронан убрал одну руку с перил и чуть отодвинулся.

— Водопровод, — произнёс он после паузы. — В старинном замке.

— Я же сказала – переоценила.

— Вы говорите дерзости, леди Блэквуд.

— Я говорю правду, милорд. Если она звучит дерзко, это характеризует скорее вопросы, чем ответы.

Он промолчал. Тепло его тела обжигало мне ключицы сквозь тонкий батист. Я задыхалась. И вовсе не от страха.

Кровь рвалась к поверхности кожи, чувствуя дракона. Пальцы свело судорогой от желания поднять руки, коснуться его груди, провести по застарелому шраму на щеке, снять повязку с глаз и влить в него очищающий огонь. Забрать яд, который я чувствовала каждой клеткой – густой, тягучий,

медленно пожирающий его изнутри.

Или – просто коснуться. Без всякой магии. Просто так. Просто потому, что от него пахло теплом под горечью, и где-то под ядом ещё билось драконье сердце. Упрямо. Зло. Вопреки.

Я стиснула кулаки. Магия рвалась наружу – золотая, жадная, жгучая. Она текла к нему сквозь кожу. Сквозь батист. Сквозь воздух между нами. Свет копился под ногтями, готовый вспыхнуть от одного разжатого пальца. Одна искра – и темнота взорвётся. Одна искра – и я сгорю вместе с собственной тайной.

Потому что драконы умеют чуять огонь. А я и есть – огонь.

Феникс.

Живой, настоящий, один из последних, а может, и последний. Притворяющийся обычной девушкой в чужом замке.

— Вы лжёте, — выдохнул Ронан, наклоняясь. — Я слышу ваше сердце, Джулия, — прошептал он. Губы – в сантиметре от моего виска. — Оно бьётся как у пойманной птицы. Так стучит сердце того, кого поймали с поличным.

Птица. Если бы он знал, насколько точна метафора.

— Оно бьётся так, потому что вы меня пугаете, — ответила я. Голос почти не дрогнул. Почти. — Вы стоите надо мной в темноте, задаёте вопросы, и ждёте, что я рассыплюсь в признаниях. Это пугает, милорд. Простите мне мой пульс.

Тишина.

И вдруг Ронан рассмеялся.

Он убрал вторую руку с перил. Пространство чуть расширилось. Я перевела дыхание – рано.

Пальцы обхватили мой локоть.

— Идёмте, леди Блэквуд. Провожу вас. Пока вы не обнаружили в подвале горячий источник. С вашей логикой вы решите, что батист – тоже лишняя деталь гардероба.

Он развернул меня в сторону коридора. Я тут же споткнулась о каменный выступ. Ронан дёрнул меня за локоть, удержав на ногах. В темноте он двигался как хищник. Обходил выбоины. Поворачивал на ступенях вовремя. Ни единого лишнего шага.

Слепой вёл зрячую сквозь мрак. Парадокс, достойный моей биографии.

Мы миновали галерею. Поднялись на этаж.

У моей двери он остановился. Отпустил локоть.

— Спокойной ночи, Джулия.

Я замерла у порога.

— Забудьте дорогу вниз, — сказал он, уже отвернувшись. — Там чужие тайны. Мне бы не хотелось запирать вас в комнате. Это испортит мою репутацию гостеприимного хозяина.

— Она и так оставляет желать лучшего, милорд.

— Спокойной ночи, — повторил он.

Шаги удалились по каменному полу.

Я вошла в спальню. Закрыла дверь. Привалилась к ней спиной.

Как объяснить ему, что единственный родной человек,

возможно, его травит?

Разум требовал собрать вещи. Уйти на рассвете, пока Ронан не почуял золотой огонь под моей кожей. Пока связь не окрепла настолько, что её учует даже отравленный дракон. Пока ещё можно уйти. Если можно…

Но кровь феникса диктовала иное.

Я потёрла локоть. В темноте по коже бежали искры – золотой след от его прикосновения. Огоньки поднимались от запястья к плечу и медленно гасли, впитываясь обратно.

Магия приняла решение за меня.

Завтра мне предстояло найти котёл. Сварить противоядие. Иначе замок станет склепом – и для него, и для меня.

Глава 11

Утро принесло ясность и стойкое желание развести огонь.

Вчерашний страх перед хозяином замка отступил – зов крови оказался сильнее инстинкта самосохранения. Природа феникса требовала действий.

Я села на скрипучей кровати и оценила свои ресурсы. Батистовая сорочка. Помятое дорожное платье. Сломанное деревянное ведро. Алхимический инвентарь отсутствовал полностью. На другой чаше весов – упрямый лорд, который медленно угасал.

Шансы на успех – так себе.

Я натянула платье. Зашнуровала ботинки. Собрала волосы в тугой узел. Сегодня мне понадобится много выдержки и хотя бы одна ступка.

Библиотека пахла старым табаком и воском.

Ронан Эшфорд стоял у высокого окна, спиной ко входу. Руки сцеплены за спиной. Тёмная рубашка плотно облегала плечи.

— Доброе утро, лорд Эшфорд.

Он повернул голову. Помедлил.

— Я надеялся, вы проспите дольше, Джулия.

— Простите за разочарование.

— Разочарование предполагает ожидания. У меня их нет.

Он отошёл от окна.

— Надеюсь, сегодня вы оставили батист в спальне и надели, как минимум, платье. Прекрасно, если ещё и обувь.

— Мои ступни надёжно спрятаны. Благодарю за заботу.

Ронан остановился у края стола. Пальцы безошибочно легли на стопку счетов.

— Мне совершенно не хочется лечить ваши простуды. Я дурной сиделец. Спросите Сиарру.

Я представила пантеру в роли пациентки и подавила улыбку.

— Раз уж вы так рвётесь отрабатывать свой хлеб, — продолжил он, перебирая бумаги, — я нашёл для вас занятие.

Я молча ждала.

— В дальнем крыле скопилась вековая пыль. Комнаты заперты. Мебель укрыта чехлами. Полагаю, вы справитесь.

— Вы отправляете меня в ссылку на другой конец замка?

Ронан чуть наклонил голову. Этот жест я уже научилась читать – он означал, что лорд Эшфорд изволил развлечься.

— Вы просили работу, Джулия. Я даю работу. Дальнее крыло требует крепких нервов и жёсткой щётки. — Пауза. — И там нет подвалов.

Уголок его рта дрогнул.

Я вспомнила вчерашнюю ночь – каменные ступени, его руку на моём запястье. Он намеренно напоминал. Он хотел, чтобы я покраснела. Но зачем? Всё равно не увидит.

Я выпрямила спину.

— Отличный выбор, милорд. Пыль боится меня гораздо больше, чем я её.

— Посмотрим.

Я развернулась и пошла к выходу. Его голос настиг меня у самого порога.

— И ещё, леди Блэквуд.

Я остановилась. Обернулась.

Он стоял в полутьме библиотеки – высокий, неподвижный, с лицом, наполовину скрытым чёрной тканью.

— Постарайтесь ничего там не сломать. Замок стар. Он предпочитает покой.

— Я буду сама осторожность.

— Именно этого я и боюсь.

Я вышла. Дверь библиотеки закрылась за мной, и я позволила себе улыбнуться. В этом замке опасным оказался вовсе не яд. Опасным оказался хозяин и его дурная привычка произносить колкости таким голосом, от которого у здравомыслящих женщин подкашивались колени.

К счастью, я относилась к категории безрассудных.

Даже хорошо, что лорд Эшфорд отослал меня так далеко. Я знала, что в подобных замках нередко устраивают несколько дополнительных кухонь. А раз мне предстоит провести весь день в этом крыле, я смогу спокойно заняться поисками – и никто мне не помешает.

Дальнее крыло было пропитано запахом старой бумаги и

пересохшего дерева.

Узкий коридор тянулся вдоль западной стены замка. Сквозняк гулял по каменным плитам, поднимая серые завитки пыли. Плющ затянул окна так плотно, что свет пробивался сквозь листья зеленоватыми пятнами – словно замок решил притвориться морским дном.

Ведро в моей руке скрипело при каждом шаге. Ржавая ручка. Треснувшее дно. Очередное великолепное орудие в арсенале леди Блэквуд.

Я открывала двери одну за другой.

Спальня – истлевший ковёр, обрушившийся карниз. Кабинет – потолок обвалился, и сквозь дыру виднелся кусок неба. Гостиная – сломанный клавесин скалился раскрытой крышкой, обнажая кривые струны.

Всё – мимо.

Мне требовалось особое укрытие. Комната с вытяжкой. С каменными столами. Желательно, с посудой.

Если я начну варить зелье в обычной спальне, драконий нюх Ронана уловит запах трав раньше, чем я успею снять первый отвар. А объяснять лорду Эшфорду, зачем его новая помощница готовит алхимические составы, мне пока решительно не хотелось. Опять же, как бы я стала варить в спальне?

Я шла по коридору, открывая двери одну за другой.

Пусто.

Чулан.

Старая кладовая с рассохшимися полками.

Комната с выбитым окном и запахом сырости.

Дальше.

Ещё одна дверь поддалась с усилием, скрипнула, будто недовольная, что её тревожат.

Я толкнула её плечом.

И замерла на пороге.

Губы сами растянулись в улыбке.

Кухня.

Старая, заброшенная, забытая – но именно кухня.

Каменный очаг с широкой трубой занимал всю дальнюю стену. Потемневшие от времени столы стояли вдоль стен, покрытые плотным слоем пыли. На крюках под потолком висели высохшие связки трав – рассыпавшиеся, почти превратившиеся в прах. В углу притулилась медная раковина с позеленевшим краном. Полки пустовали, но кое-где ещё стояли глиняные банки и закопчённые котелки.

Я шагнула внутрь, вдохнула.

Запах старого дерева, золы и трав.

Идеально.

Работать придётся аккуратно. Но здесь… Здесь хотя бы есть где работать.

Я провела пальцами по столу, оставляя чистую полоску среди пыли.

Да. Это место подойдёт.

Идеальное убежище.

Вытяжка через очаг решит проблему запаха. Толстые стены поглотят звуки.

Я переступила порог. Провела пальцем по столешнице, оставив яркий след на серой поверхности. Подошла к очагу, заглянула в трубу – чисто. Тяга сохранилась. Холодный воздух тянул вверх, уносил с собой пылинки.

Здесь я сварю антидот. Здесь я вытащу упрямого слепого дракона из его собственной могилы – хочет он того или нет.

Избавлюсь от мигрени.

Я развернулась, собираясь забрать ведро из коридора.

И замерла.

В арочном проёме стояла Сиарра.

Глава 12

Пантера перекрывала выход целиком – крупное тело, лоснящаяся шерсть, расслабленные лапы. Жёлтые глаза смотрели на меня в упор. Зверь опустил голову и принюхался к каменной крошке на полу.

Я замерла.

Хвост качнулся – медленно, тяжело. Сиарра приоткрыла пасть, и из горла вырвался вибрирующий рык. Тихий. Предупреждающий.

Она знала.

Она видела, как я вошла. Она чуяла мою магию.

Я медленно выдохнула. Феникс во мне замер, спрятал тепло глубже, под кожу – туда, где зверь не мог его достать. Сердце колотилось. Ладони вспотели.

— Доброе утро, Сиарра, — сказала я ровным голосом. — Ты тоже пришла убираться?

Пантера моргнула.

Рык прекратился. Она постояла ещё мгновение – целую вечность – а потом легла у двери.

Руки дрожали. Дыхание – через раз.

Пантера Ронана видела, как я сюда вошла. Теперь увидит, что я буду делать. И это если не учитывать, что я её боюсь.

Но вот вопрос: узнает ли хозяин обо всём, что я здесь делаю?

Я подобрала ведро, вернулась в кухню и принялась драить столы. Руки работали. Голова перебирала варианты. Феникс ждал.

Сиарра дремала у порога.

Хвост время от времени подёргивался – единственный знак того, что пантера бодрствовала. Я старалась двигаться размеренно: протирала столы, проверяла котелки, перебирала глиняные банки. Три оказались пустыми. Четвёртая хранила горсть высохшей соли. Пятая – остатки чего-то, похожего на жжёный сахар.

Всё бесполезно.

Я выстроила находки на чистом столе. Два котелка – один с трещиной. Ступка без пестика. Медная воронка с погнутым горлом. Связка истлевших трав, от которых остались одни стебли.

Инвентарь алхимика выглядел как инвентарь нищего.

Я потёрла переносицу.

Для очищающего отвара мне требовались свежие компоненты. Мох-серебрянка – он хорошо вытягивал металлические яды. Корень болотника – гасил воспаление. Лунная мята – связывала состав и позволяла зелью работать изнутри, а без неё отвар превращался в горькую воду.

Ни одного из этих ингредиентов в заброшенной кухне, разумеется, быть не могло. Высохшие связки под потолком годились разве что для растопки.

Я глянула в окно.

Двор. Серые стены. Каменная ограда. А за ней – зелёное пятно. Буйное, лохматое, выползающее из-за ограды лианами и ветками.

Сад.

Каждый уважающий себя замок держал аптекарский огород. Или оранжерею. Или хотя бы клумбу с лекарственным шалфеем. Замок Чёрного Крыла, судя по масштабу зелёного безобразия за оградой, когда-то владел целым ботаническим садом. Теперь этот сад, очевидно, владел замком.

Я вытерла руки подолом платья.

— Сиарра, — сказала я тихо.

Пантера приоткрыла один глаз.

— Я ненадолго выйду.

Она зевнула. Клыки блеснули и спрятались. Зверь положил голову обратно на лапы.

Я решила считать это разрешением.

Внутренний двор встретил меня ветром. Холодный, сырой, он нёс запах мокрого камня и чего-то сладковато-горького – так пахнут растения, которые давно забыли про садовника и взяли дело в собственные корни.

Ограда заросла плющом до самого верха. Калитка, ведущая в сад, стояла приоткрытой – петли давно проржавели и уже не справлялись с весом кованой решётки. Я протиснулась в щель.

Сад буквально на меня обрушился.

Лозы цеплялись за юбку. Шиповник кусал руки. Ветви со-

мкнулись над головой, превращая тропинку в зелёный тоннель, сырой и душный. Под ногами хлюпала земля – рыхлая, жирная, пропитанная влагой.

Я сделала шаг. Колючая плеть хлестнула щиколотку.

— Ай!

Дёрнула ногу. Лоза впилась сильнее.

Замок сопротивлялся чужакам. Или, точнее, его сад сопротивлялся. Это место жило по своим законам, и незваных гостей здесь встречали соответственно – шипами.

Я остановилась. Перевела дыхание. Закрыла глаза.

Феникс шевельнулся.

Осторожно. Мягко. Я выпустила тепло – ровно столько, чтобы кончики пальцев порозовели. Капля огня, спрятанная под кожей. Я опустила ладонь и коснулась ближайшей лозы.

Тепло ушло в зелёную плоть.

Лоза дрогнула. Ослабила хватку. Шипы втянулись, будто спрятали когти.

Я задержала дыхание.

Медленно, очень медленно лозы расступились. Плеть соскользнула с моей щиколотки. Ветви раздвинулись, открывая узкую тропу вглубь.

Сад пропускал.

Я пошла вперёд – осторожно, держа ладони открытыми, источая ровное тепло. Растения тянулись к моим рукам, как к маленькой печке. Розовые побеги разворачивались. Шиповник опускал шипы.

У дальней стены я нашла то, что искала.

Мох. Серебристый, влажный, толстым ковром покрывавший северную сторону каменной кладки. Я присела на корточки, провела пальцем – и он оставил блестящий след. Серебрянка. Живая, здоровая, жирная.

Рядом, в тени разросшейся бузины, торчали знакомые листья – широкие, тёмные, с красноватой прожилкой. Болотник. Корень уходил глубоко. Я потянула – земля подалась.

Мяту я нашла у самой ограды. Лунная мята росла хаотичным кустом, захватив целый угол сада. Серо-зелёные листья пахли прохладой и чем-то горьковато-чистым – так пахнет воздух после грозы.

Я набрала полный подол.

Юбка оттопыривалась. Руки перепачкались землёй до локтей. Платье было испорчено окончательно. Если лорд Эшфорд спросит, чем я занималась, мне придётся соврать что-нибудь про генеральную уборку.

Обратный путь сад уступил без боя.

Я вернулась в кухню. Сиарра лежала на том же месте. Глаза закрыты. Одно ухо развёрнуто в мою сторону.

Я разложила добычу на столе.

Мох – в глиняную банку. Корни болотника – промыть, очистить, нарезать. Мята – связать и подвесить, чтобы подвялилась.

Руки работали сами. Голова считала пропорции.

Первый отвар будет пробным – слабый раствор, чтобы

проверить реакцию. Я не знала ни точный состав яда, ни степень отравления. Один неверный компонент мог ускорить то, что я пыталась замедлить. Поэтому – осторожно. Шаг за шагом.

Я вымыла котелок. Разожгла огонь в очаге. Пламя занялось неохотно – сырые дрова, подобранные во дворе, сопротивлялись. Я добавила каплю своего тепла, и огонь вспыхнул ровно, послушно. Тяга подхватила дым и утащила в трубу. Кухня осталась чистой.

Вода из позеленевшего крана шла ржавая, но через минуту посветлела. Я набрала котелок. Поставила на огонь. Бросила мох и кусочки корня.

Запах поднялся сразу – терпкий, травяной, с лёгкой горечью. Тяга справлялась. Дым и пар уходили в трубу, растворяясь в сером небе над замком.

Я помешивала отвар обломком деревянной ложки, найденной в ящике стола. Жидкость потемнела. Загустела. Стала отдавать медью – хороший знак. Серебрянка работала.

Сиарра подняла голову.

Я замерла с ложкой в руке.

Пантера втянула воздух. Ноздри раздулись. Жёлтые глаза уставились на котелок.

Сердце подпрыгнуло.

Пантера фыркнула. Положила голову обратно на лапы. Хвост качнулся – один раз, другой – и замер.

Я выдохнула.

Либо Сиарра сочла запах безобидным, либо решила, что странная гостья хозяина – не её проблема. Оба варианта меня устраивали.

Отвар кипел ещё четверть часа. Я сняла котелок. Перелила жидкость через воронку в глиняную банку. Медный цвет сменился тёмно-зелёным. Консистенция – чуть гуще воды. Горечь – устойчивая, но терпимая.

Теперь оставалось главное – подсунуть это лорду Эшфорду так, чтобы он выпил добровольно. Задача, прямо скажем, из области фантастики. Человек, который различал сорта вина по запаху пробки, вряд ли примет вонючую жидкость за травяной чай.

Я убрала банку в дальний угол полки, за ряд пустых горшков. Вымыла котелок. Загасила огонь. Протёрла стол.

Если бы кто-нибудь заглянул сюда, он увидел бы просто чистую кухню. Ничего подозрительного. Никаких следов.

Я вытерла руки и направилась обратно в коридор – пора было изобразить бурную уборочную деятельность в остальных комнатах, чтобы день выглядел убедительно.

Сиарра встала и пошла следом.

Так мы и шли по коридору – девушка в помятом платье и пантера, которая вела себя скорее как ленивая компаньонка, чем как охранник. Я драила полы, сметала паутину, выбивала пыль из чехлов. Сиарра лежала в дверях каждой комнаты, которую я убирала, и время от времени зевала.

К полудню мои руки саднили. Спина ныла. А платье стало

совсем уж грязным.

Я распрямилась, потянулась и решила, что заслужила хотя бы глоток воды.

Мы вышли во двор.

Я услышала скрип раньше, чем увидела его источник.

Телега.

Старая, тяжело гружённая, она вползала через ворота, подпрыгивая на камнях. Лошадь понуро тащила поклажу. На козлах сидел человек в дорожном плаще – знакомый силуэт.

Слуга Элинор.

Глава 13

Слуга Элинор спрыгнул с козел.

Я отступила назад – в тень арки, ведущей обратно в замок. Сиарра скользнула следом, бесшумная, как тень.

Слуга обошёл телегу, откинул рогожу и стащил на землю бочонок – небольшой, тёмного дерева, перетянутый медными обручами. Обычный винный бочонок. Южный, судя по клейму.

Феникс во мне взвыл.

Тепло рванулось к горлу, обожгло изнутри. Сквозь дерево, сквозь запах дуба и дорожной сырости я чуяла то, чего не мог почуять обычный человек. Горький, тяжёлый фон. Металлический привкус на языке – хотя я стояла в десяти шагах и даже не прикасалась.

Магический яд. Не травяной. Алхимический. И какая концентрация!

Сомнений не осталось.

Каждая клетка кричала: уничтожь. Догнать. Опрокинуть. Сжечь. Руки сжались в кулаки. Ногти впились в ладони. Феникс бился под рёбрами, как птица в клетке.

Я стиснула зубы.

Нельзя.

Потому что если я выдам себя сейчас – не будет ни второго шанса, ни отвара, спрятанного за горшками, ни тихого

плана, который я выстраивала по кирпичику. Будет только девушка с оковами на руках посреди чужого двора. И очень короткая жизнь после этого. Зато корона, наконец, найдёт себе подопытного феникса.

Я медленно выдохнула.

Слуга покатил бочонок к боковой двери. Я проводила его взглядом из-под арки, пока он не скрылся за поворотом. Шаги стихли.

Сиарра стояла рядом. Шерсть на загривке чуть приподнялась.

А я почти перестала её бояться.

***

Ужин сервировали в малой столовой.

Я узнала об этом от Марты — единственной живой души в замке, которая разговаривала со мной без подозрения. Старая экономка ворчала на кухне, расставляя тарелки на поднос. Она работала здесь время от времени, но большую часть для проводила в пекарне своего брата в соседнем городе.

— Леди Элинор прислала вино, — сообщила она. — Хорошее, говорят. Южное.

Южное. Разумеется.

— Лорд Эшфорд ужинает один? — спросила я.

— Как всегда. — Марта поправила салфетку. — Не любит компанию за столом. Говорит, чужое дыхание мешает ему слышать еду.

Я бы улыбнулась, если бы не хотела кричать.

— Я могу отнести поднос, — предложила я. — Вы устали, Марта.

Старуха смерила меня взглядом.

— Устала, — согласилась она. — Но лорд не любит, когда меняют порядок.

— Тогда я просто помогу.

Марта пожала плечами. Это было не «да». Но и не «нет».

Я вошла в столовую на полшага позади неё, неся корзину с хлебом. Формально – помощь. Фактически – отчаянная попытка оказаться рядом с кубком.

Ронан уже сидел за столом.

Прямой, неподвижный, – и пальцы его левой руки лежали на краю столешницы, считывая вибрацию шагов.

— Марта. — Голос ровный. Тяжёлый. — И мисс Блэквуд.

Он узнал меня по шагам. Или по запаху. Или по тому, как воздух менялся, когда я входила в комнату. Я старалась не думать о последнем варианте.

— Помогаю с подносом, — сказала я.

— У вас обширное представление о своих обязанностях.

— У меня обширное представление о голодных мужчинах, которые забывают поесть без напоминания.

Тень усмешки. Или мне показалось.

Марта расставила тарелки. Налила вино. Тёмно-красное, густое, с тем самым запахом, который я уловила ещё в галерее. Теперь, вблизи, горечь била в нос. Мне – била. Для обычного человека это было просто вино с плотным буке-

том. Да и для дракона тоже.

Кубок стоял по правую руку от Ронана.

Марта вышла. Я замешкалась у стола, поправляя салфетку, передвигая хлебницу – всё, что угодно, лишь бы выиграть секунду.

— Мисс Блэквуд.

— Да?

— Вы собираетесь стоять над моей тарелкой весь ужин?

— Просто хотела убедиться, что вам ничего не нужно.

— Мне нужна тишина, — сказал он. — И чтобы вы перестали двигать хлеб. Он уже на третьем месте за минуту.

Я убрала руки. Но не отошла.

Кубок. Тёмно-красное вино. Горечь, которую слышала только я. Отвар в кухне настаивался – мох и корень болотника отдавали силу медленно, по капле, и раньше утра пить его нельзя. Мята ещё не подвялилась. Состав не готов.

У меня не было ничего, кроме слов.

— Лорд Эшфорд, — сказала я, — вино пахнет странно.

Пальцы на ножке кубка замерли.

— Странно, — повторил он.

— Кисло. Может, дорога испортила.

Ронан поднял кубок. Поднёс к лицу. Втянул запах – медленно, как знаток. Ноздри дрогнули. Пауза.

— Южный купаж, выдержка в дубе, — сказал он. — Кислинка – часть букета.

— Но если вино прогрелось в дороге…

— Мисс Блэквуд, — голос стал тише, — вы разбираетесь в винах?

— Нет, но…

— Тогда позвольте мне самому решать, что я пью в собственном доме.

Конец разговора.

Он сделал глоток.

Я смотрела, как вино прошло по горлу. Как дрогнул кадык. Как пальцы сомкнулись на ножке кубка чуть крепче — единственный знак того, что вкус показался ему резче обычного.

Второй глоток.

Третий.

Я стояла и смотрела, как он пил свою смерть.

Потом вышла из столовой. Закрыла за собой дверь. Прислонилась к стене и зажмурилась.

Утро. Отвар будет готов к утру. Это – шесть, может, семь часов. Одна доза не убьёт. Он пил это вино раньше и выживал. Тело справлялось. Дракон справлялся. Одна ночь.

Я повторяла это, как заклинание.

Одна ночь. Ничего не случится. Он сильный. Он выдерживал это раньше. Одна ночь.

Феникс молчал. Тепло ушло глубоко, свернулось под сердцем – тяжёлое, бесполезное, виноватое.

Я знала. Я знала, что в бочонке. Я стояла в десяти шагах. И не смогла.

***

Грохот разбудил меня в третьем часу ночи.

Сначала я решила, что обрушилась стена. Или что замок наконец сдался под весом собственной древности. Потом услышала второй удар – и поняла: звук шёл из кабинета.

Я выбралась из постели. Пол ледяной. Коридор – чернильный, без единого огня.

Третий удар. Дерево треснуло.

Я побежала.

Коридор. Поворот. Лестница. Ещё поворот. Звук нарастал – тяжёлый, яростный, звук. Не человек ломал мебель. Зверь.

У двери кабинета я остановилась.

Жар.

Он шёл из-за двери волной – такой плотный, что воздух дрожал. Дубовые доски потемнели по краям. Петли раскалились. Из щели под порогом тянуло дымом.

Я приложила ладонь к двери.

Горячо.

Внутри что-то ударилось о стену. Посыпалось стекло. И сквозь грохот прорвался звук, от которого у меня перехватило дыхание.

Рык.

Глубокий, вибрирующий, рвущийся из грудной клетки. Дракон рвался наружу.

Я прижалась лбом к двери.

Яд. Вино Элинор. Каждая поставка – удар. Каждый бочо-

нок – доза. Тело борется, драконья суть сопротивляется. Вот почему приступы. Вот почему ярость. Вот почему он разрушает всё вокруг себя – магия, отравленная изнутри, ищет выход.

Картина сложилась.

Элинор не просто травила брата. Она уничтожала его медленно, методично, поставка за поставкой. А он списывал приступы на проклятие. На болезнь. На слепоту, которая и без того отнимала у него контроль над собственной силой.

За дверью стихло.

Тишина – хуже грохота.

Потом – удар.

Дверь вылетела.

Я еле успела отскочить.

Створка ударилась о противоположную стену коридора и раскололась пополам. Волна горячего воздуха швырнула мне волосы в лицо.

Ронан стоял в дверном проёме.

Рубашка разорвана. Шрамы на груди и плечах блестели от пота. Он дышал тяжело и рвано.

Я отступила.

Один шаг.

Подошва скользнула по каменному полу.

Он повернул голову.

Как хищник, который не видит добычу, но уже знает, где она стоит.

Ноздри раздулись.
— Кто? — Голос – не его. Низкий. Хриплый. Звериный.
Я не дышала.
Жар усилился. Воздух между нами дрожал.

Глава 14

Дракон не видел меня. Но он уже знал, где я стою.

Жар катился по коридору волнами – густой, удушливый, пропитанный запахом горелого дерева и чего-то кислого. Яд выходил через кожу. Через пот. Через каждый выдох.

— Кто? — повторил Ронан.

Он шагнул вперёд.

Инстинкт завопил: беги. Каждая мышца натянулась, готовая к рывку. Но я знала – побежишь, и дракон бросится следом. Для хищника нет ничего слаще убегающей добычи.

Я осталась на месте.

— Это Джулия Блэквуд. — Голос прозвучал ровно. Почти. — И вы сейчас сожжёте собственный замок, милорд.

Ронан замер. Ноздри раздулись. Он втягивал воздух рывками – короткими, жадными. Искал.

Потом рванулся.

Два шага – и он навис надо мной. Рука ударила в стену рядом с моей головой. Камень треснул. Крошка посыпалась на плечо. Жар его тела обжигал сквозь батист, сквозь воздух, сквозь всё.

Я не отступила.

Зубы стиснуты. Сердце – в горле. Но ноги стояли на каменном полу, и я смотрела в его лицо – в незрячие глаза, в сбившуюся повязку, в оскал, обнаживший клыки.

Он был прекрасен. Страшен. И умирал прямо передо мной.

Феникс рванулся.

Я не успела его остановить. Не успела даже подумать. Тепло выплеснулось из-под кожи – крошечная капля золотого огня, пульсирующая на кончиках пальцев. Та капдя, что гасит яд и сшивает разорванное.

Ронан вздрогнул.

Оскал сломался. Рука на стене разжалась. Он втянул воздух – долгий, судорожный вдох – и его колени подогнулись.

Я не успела отскочить.

Он обрушился на меня всем весом. Плечи, грудь, тяжёлые безвольные руки – всё разом. Мы рухнули вместе. Колени ударились о каменный пол. Затылок чиркнул по стене. В глазах вспыхнуло белым.

Темнота. Тишина. Только его дыхание – рваное, хриплое – у самого моего уха.

Без сознания.

Прекрасно.

Я лежала под бессознательным драконом посреди разгромленного коридора в три часа ночи. Сорочка задралась до колен. Колени саднило. Затылок пульсировал болью.

Если существовал приз за худшую ночь в замке – я его заслужила.

Сначала я выбралась из-под него – это заняло целую вечность. Локоть упёрся в каменный пол. Колено проехало по

осколкам. Я извивалась, сдвигая его плечо сантиметр за сантиметром, пока не выползла из-под горячей неподъёмной туши.

Потом встала на четвереньки. Отдышалась. Схватила его за подмышки и потянула.

Он не сдвинулся.

Я потянула снова. Ноги скользили по мокрому камню. Мышцы горели. Бесполезно – всё равно что тащить каменную плиту.

Я стиснула зубы и выпустила тепло.

Золотой огонь потёк по рукам, впитался в его кожу – и тело как будто стало легче. Магия феникса вливала в мои мышцы силу, которой в них отродясь не бывало. Кости гудели. Суставы хрустели. Зато он наконец поддался – тяжело, нехотя, с протяжным скрежетом по камню.

Я волокла его по осколкам. По щепкам от двери. Среди перевёрнутой мебели и разлитого вина. Тёмная лужа растеклась у стола – бочонок опрокинулся, и кислая горечь пропитала воздух. Яд. Я дышала сквозь рукав.

Диван уцелел – единственный предмет мебели, который дракон пощадил. Я дотащила его до края. Перевалила.

Рухнула рядом на колени. Перевела дыхание.

Он горел.

Кожа пылала жаром, от которого воздух над грудью дрожал, как над раскалённой мостовой. Пот катился по шрамам, собираясь в ложбинках. Рубашка расползлась лохмотьями.

Под ней – старые рубцы и свежие ожоги, оставленные его собственным огнём. Дракон сражался с ядом изнутри, и поле битвы выглядело соответственно.

Я прижала пальцы к его шее. Пульс – бешеный, неровный, с провалами.

Отвар будет готов к утру. До утра – часы.

Он мог не дожить.

Я посмотрела на свои руки. Под кожей пряталось золото. Выпустить – дракон учует. Не сейчас, так потом. Когда очнётся и вспомнит запах.

Не выпустить – он умрёт до рассвета.

Я выбрала.

Ладони легли на его грудь. Шрамы под пальцами – бугристые, горячие. Я стиснула зубы и позволила теплу течь.

Золотой огонь впитывался в его кожу, находил яд и гасил его. Медленно. По капле.

Откат ударил сразу – тупая, давящая мигрень. Я сглотнула. Продолжила. Руки дрожали, но я держала их на месте.

Минута. Две. Пять.

Жар начал спадать. Пульс замедлился. Дыхание стало глубже.

Его рука метнулась вверх.

Пальцы сомкнулись на моём запястье – стальная хватка. Я вскрикнула. Дёрнулась. Бесполезно.

Незрячие глаза полуоткрылись. Мутные, тёмные, с проблеском чего-то нечеловеческого в глубине.

— Ты светишься, — прошептал он.

Сердце остановилось.

— Лихорадка, — выдавила я. — Вы бредите, милорд.

— Не сгори...

Хватка ослабла. Веки опустились. И тогда он сделал то, от чего у меня перехватило дыхание.

Повернул голову и прижался щекой к моей ладони.

Просто прижался. Как ребёнок, нашедший тёплое. Как зверь, уткнувшийся в руку, которая не причинит боли. Шрам на щеке – грубый, плотный – лёг прямо на мои пальцы. Ресницы дрогнули.

Я не двигалась.

Мигрень раскалывала череп. Золото утекало из-под кожи, капля за каплей. Я вливала в него жизнь, а он держал мою руку и дышал ровно.

Дракон и феникс. Яд и противоядие. Слепой, который видел свет.

Я просидела так до рассвета.

Серое утро сочилось в щели разбитых ставен.

Ронан уснул. Дыхание – ровное. Жар спал до терпимого. Хватка на моём запястье ослабла настолько, что я смогла осторожно, палец за пальцем, высвободить руку.

На его груди, прямо под ключицей, алел след – розовый, чёткий, в форме раскрытой ладони. Моей ладони. Феникс оставил метку.

Я похолодела.

Потом встала. Ноги затекли. Колени не гнулись. Голова раскалывалась так, что стены плыли. Я добралась до двери, держась за мебель.

Коридор.

Лестница.

Дальнее крыло.

Кухня.

Отвар настаивался всю ночь. Мох и корень болотника отдали всё, что могли – жидкость потемнела, загустела, стала маслянистой.

Оставалась мята.

Я сняла связку с крюка. Листья подвялились за ночь – скрутились, стали ломкими. Запах – резкий, грозовой.

Руки работали сами, пока голова раскалывалась. Огонь. Котелок на очаг. Разогреть отвар. Бросить мяту. Помешать обломком ложки.

Состав сменил цвет с бурого на тёмно-зелёный. Горечь пропитала воздух, и тяга послушно утянула её в трубу.

Готово.

Я процедила отвар через воронку в маленький глиняный флакон. Тёмно-зелёный. Густой. Горький до слёз. Но рабочий. Каждая клетка феникса подтверждала – рабочий.

Флакон лёг в карман платья.

Я вымыла котелок. Загасила огонь. Протёрла стол. Руки дрожали от усталости, но кухня осталась чистой. Ни следа.

Сиарра ждала за дверью.

Пантера посмотрела на меня долгим жёлтым взглядом. Я выглядела, вероятно, как привидение – бледная, с кругами под глазами, в мятой сорочке, с перепачканными травяным соком руками.

— Не спрашивай, — сказала я.

Ещё недавно я бы вжалась в стену. Сейчас просто прошла мимо, задев её бедром. Сиарра моргнула. И пошла рядом.

Я свернула за угол коридора, сжимая флакон в кармане.

Он ещё спит. Я подолью отвар в воду у постели. Он выпьет, не заметив. Одна доза – и яд начнёт отступать.

Простой план. Надёжный план.

Я повернула к кабинету.

И остановилась.

Ронан стоял в дверном проёме.

Он опирался о косяк плечом – единственное, что удерживало его на ногах. Бледный до синевы. Рубашка – то, что от неё осталось – висела лоскутами. Повязка на глазах сбилась, открывая край рваного шрама на виске.

Он повернул голову в мою сторону. Безошибочно.

— Я видел странный сон, леди Блэквуд.

Голос – тихий. Хриплый. Но каждое слово – точно в цель.

Я остановилась в трёх шагах.

— Мне снилось, что я сгораю в смрадном огне. — Пауза. — А потом прилетела птица, сотканная из света. И забрала боль.

Рука в кармане стиснула флакон.

— Бред при лихорадке – обычное дело, милорд. — Я изобразила лёгкий тон. Получилось скверно. — Если хотите, я попрошу Марту приготовить вам бульон.

Ронан оттолкнулся от косяка. Шаг. Ещё шаг. Остановился так близко, что я чувствовала его дыхание на лбу.

— Тогда почему на коже остался ожог в форме женской ладони? — Сердце рухнуло. — И почему этот ожог, — он наклонился, — пахнет вами?

Глава 15

Я выдержала его взгляд. Вернее – направление его лица, потому что глаз я по-прежнему не видела за повязкой. Но давление ощущалось физически. Так давит штормовой ветер, когда стоишь на краю обрыва и делаешь вид, что тебе не страшно.

— Камфорный состав, — сказала я.

Ронан чуть наклонил голову.

— Камфорный, — повторил он тоном человека, который заранее не планирует верить.

— Вы умирали, милорд. Пульс пропадал. Я растёрла вам грудь тем, что нашла в аптечке, – агрессивный компресс из камфоры и горчичного масла. Руки у меня горячие от постоянной работы с эликсирами. — Я пожала плечами, хотя он этого не увидел. — Если ваша кожа настолько чувствительна, что хранит отпечаток каждой спасительницы, впредь буду работать в перчатках.

Пауза.

Губы Ронана сжались в линию. Он знал, что я лгу. Я знала, что он знает. Мы оба знали, что доказательств у него нет.

— Камфора, — произнёс он снова. — Камфора пахнет резко. Хвоей и мятой. А мои руки пахнут вами, леди Блэквуд. Лавандой и чем-то горячим. Объясните мне эту ботаническую загадку.

— Лаванда – от мыла, которое мне выдала Марта. Горячее – от камфоры. Она разогревает кожу. Именно поэтому ей растирают грудь умирающим упрямцам, которые пьют сомнительное вино посреди ночи.

Ронан дёрнул подбородком. Я попала. Не туда, куда целилась, но попала.

Он отступил.

Тело ещё не отошло от ночного приступа. Плечом задел дверной косяк. Пальцы побелели.

— Не смейте, — процедил он, — прикасаться ко мне без разрешения. Это мой единственный приказ.

— Второй, — поправила я. — Первый был про подвалы.

Он развернулся и ушёл. Шаги – тяжёлые, неровные – затихли за поворотом. Сиарра выскользнула из тени и потрусила следом, мазнув хвостом по моей щиколотке. Я осталась одна.

Дрожь пришла с опозданием.

Пальцы тряслись. Колени подогнулись. Я привалилась к стене и сползла на корточки. Флакон в кармане упёрся в бедро – тёплый от тепла моего тела.

Камфора. Господи. Камфора.

Я только что объяснила ожог от магии феникса горчичным маслом. И он, кажется, принял. Или сделал вид. Что из этого хуже – я не знала.

Адреналин схлынул. Мигрень вернулась. Тупая, давящая, засевшая в основании черепа. Я потёрла виски. Одна мысль

билась в голове: следующий бочонок убьёт его.

Отвар лежал в кармане. Готовый. Рабочий.

Оставалась сущая ерунда – заставить параноика с драконьим обонянием выпить жидкость, которая пахла болотом.

***

К вечеру я приняла решение.

Подменять кубок – бессмысленно. Ронан различал сорта вина по звуку, с которым оно плескалось о стенки бокала. Любая хитрость обречена. Оставался единственный путь – прямой.

Марта собирала поднос на кухне. Я перехватила её у двери.

— Я отнесу ужин лорду Эшфорду.

Старуха окинула меня подозрительным взглядом.

— Он велел не пускать вас.

— Он также велел мне не лезть в подвалы. Как видите, я гибко трактую приказы.

Марта фыркнула. Но поднос отдала.

Столовая встретила сумерками. Свечи горели низко. Ронан сидел за столом – прямой, будто в позвоночник вбили стальной прут. После ночного приступа любой другой лежал бы пластом. Этот – застёгивал рубашку на все пуговицы и выглядел так, словно собирался председательствовать на военном совете.

Сиарра дремала у его ног. Ухо развёрнуто в мою сторону.

Я поставила поднос. Тарелку – слева. Хлеб – справа. Вме-

сто кубка с вином – глиняную чашку с отваром, разбавленным водой. Жидкость отдавала болотной зеленью и пахла соответственно.

— Ваш ужин, милорд.

— Я велел не пускать вас.

— Марта передала ваши пожелания. Мои оказались убедительнее.

Ронан ухмыльнулся и потянулся к чашке. Поднял. Поднёс к лицу.

Замер.

Ноздри дрогнули.

— Леди Блэквуд.

— Да?

— Что это?

— Укрепляющий сбор. Для желудка.

— Пахнет так, будто вы процедили канаву через носовой платок.

— Лекарства редко пахнут розами. Пейте.

Он поставил чашку на стол. Звук получился оглушительным.

— Принесите вино.

— Вино закончилось.

— Оно не могло закончиться. Элинор прислала бочонок только вчера.

— Содержимое того бочонка скисло. — Ложь далась легко. Видимо, я входила во вкус. — Марта слила его в канаву.

Пальцы Ронана легли на край стола. Костяшки побелели.

— Вы лжёте.

— А вы упрямитесь. Пейте сбор, лорд Эшфорд. Или вас пугает глиняная чашка с травами?

Он откинулся на спинку стула. Повязка на лице сбилась чуть набок, открывая бровь. Под ней – ещё один шрам, тянувшийся к виску.

— Вы дерзите хозяину дома, который приютил вас из милости.

— Я забочусь о хозяине дома, который разносит собственную мебель по ночам. Это, согласитесь, более продуктивное занятие, чем дерзость.

Тишина.

Сиарра подняла голову. Жёлтые глаза перемещались от меня к нему – зверь наблюдал за поединком.

— Вы понимаете, — вкрадчиво произнёс Ронан, — что если в этой чашке яд, я успею свернуть вам шею прежде, чем он подействует?

— Понимаю. Именно поэтому в ней нет яда. Передумала в последний момент.

Он молчал. Пальцы постукивали по столу.

— Почему? — спросил он.

— Почему – что?

— Почему вам есть дело до моего желудка? — Голос стал ниже. — До моей мебели. До моих ночей. Вы знаете меня три дня, леди Блэквуд. Люди, знавшие меня годами, предпо-

читают держаться на расстоянии. А вы растираете мне грудь камфорой и варите болотные зелья. В чём подвох?

Я сцепила руки за спиной, чтобы он не услышал, как трясутся пальцы.

— Потому что мне некуда идти, — сказала я. — И если вы умрёте, я останусь без крыши над головой. Считайте это корыстным мотивом.

Ронан потянулся к чашке.

Поднял.

Понюхал ещё раз. Лицо исказилось – даже повязка не скрыла гримасу.

И выпил. Залпом. До дна.

Чашка снова ударилась о стол. Ронан сглотнул. Челюсть дрогнула. Горечь должна была обжечь ему горло и пищевод.

— Отвратительно, — процедил он. — Если это забота, леди Блэквуд, мне страшно представить, как выглядит ваша месть.

Я выдохнула. Воздух вышел из лёгких рвано, как будто я задерживала дыхание целую минуту. Может, так и было.

— Благодарю за доверие, милорд. Завтра будет вторая порция.

— Не дождётесь.

— Дождусь.

Я потянулась за пустой чашкой.

И тогда он замер.

Сначала я не поняла, в чём дело. Ронан Эшфорд часто

замирал, прислушиваясь к чему-то, слышимому лишь ему.

Но рука, потянувшаяся к хлебу, повисла в воздухе. Пальцы скрючились.

Из его горла вырвался звук.

Рык. Глухой, утробный, застрявший между человеческим стоном и звериным воем.

Пальцы впились в край стола. Дерево затрещало. Дуб пошёл трещинами под его хваткой.

Чашка слетела со стола и разбилась.

Сиарра вскочила. Шерсть дыбом. Рык – оглушительный.

Ронан согнулся пополам. Рухнул с кресла на колени. Руки вцепились в живот. Тело выгнулось дугой – и жар хлынул волной, ударил мне в лицо, опалил ресницы.

Противоядие встретило яд.

Внутри дракона шла война.

Я бросилась к нему. Колени ударились о каменный пол. Ладони легли на его плечи – горячие, мокрые от пота.

Сиарра рычала.

Он содрогался. Кожа раскалялась. Из-под повязки по скуле катилась полоса – густая, чёрная. Яд выходил наружу.

Одна мысль билась в голове: если я ошиблась с дозировкой, если серебрянка оказалась слишком сильной, если болотник запустил реакцию, которую уже не остановить, – я только что убила его собственными руками.

Ронан хрипел на каменном полу.

Я прижимала его к себе и молилась – кому угодно, хоть

пантере, хоть паукам на балдахине, хоть самому замку, – чтобы дракон выдержал.

Глава 16

Тело Ронана Эшфорда выгибалось дугой. Чёрный пот выступил на висках, на шее, на груди, пропитывая остатки рубашки.

Сиарра бросилась к хозяину. Ткнулась мордой в его плечо. Отпрянула. Зарычала в пустоту, потому что враг был внутри, а когти и клыки против яда бесполезны.

Шаги в коридоре.

Быстрые. Испуганные. Марта.

Я вскочила. Три шага до двери. Чугунный засов не поддавался. Я рванула обеими руками. Металл лязгнул и вошёл в паз за секунду до того, как снаружи дёрнули ручку.

— Леди Блэквуд! — Голос Марты. — Что случилось?! Я слышала грохот!

Ронан за моей спиной хрипел. Сиарра выла.

— Лорд Эшфорд опрокинул стол, — крикнула я сквозь дверь. — В приступе гнева. Он приказал никого не впускать.

— Но…

— Никого, Марта!

— А как же посуда?

— Потом!

Тишина. Потом – шарканье удаляющихся шагов.

Я обернулась.

Ронан лежал на боку. Тело сотрясала крупная дрожь. Из-

под повязки по скуле ползла чёрная полоса – яд, выдавленный из крови отваром. Антидот работал. Слишком много яда накопилась, потому и реакция такая.

Мне нужно было перетащить его к кушетке. Спасибо тому, кто поставил её в столовой!

Желательно, дотащить его без магии.

Ещё один розовый ожог в форме ладони – и никакая камфора меня не спасёт.

Я схватила его за подмышки и потянула. Мышцы взвыли. Каблуки скребли по камню. Ронан Эшфорд весил столько, сколько положено весить взрослому дракону в человеческом теле, – то есть неприлично много.

Сантиметр. Ещё сантиметр. Локоть проехал по разлитой воде. Колено ударилось об осколок чашки.

Сиарра обошла нас кругом и легла у кушетки, будто указывая направление. Благодарю покорно. Без тебя я бы заблудилась в комнате из четырёх стен.

Я тащила его рывками. Он помогал – упирался, перехватывал вес, – но поясницу прошивало с каждым движением. Пальцы соскальзывали с мокрой ткани. Дважды я падала на колени, упираясь лбом в его плечо, и заставляла себя встать.

Кушетка оказалась ближе, чем я думала. Я перевалила его через край. Голова запрокинулась. Повязка сбилась окончательно – мокрая чёрная ткань повисла на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.